

Алексей Калугин

Время лживой луны

«ЭКСМО»

2009

Калугин А. А.

Время лживой луны / А. А. Калугин — «Эксмо», 2009

Золотой век наступил! Информационные башни, внезапно появившиеся на Земле и моментально заполонившие планету, оказались способны исполнять любые желания людей. Это ли не счастье? Но нашлись скептики, которые, поминая бесплатный сыр в мышеловке, с упорством маньяков начали искоренять эти ростки «инопланетного вторжения». Возглавила крестовый поход Россия, которая до последнего времени оставалась свободной от влияния глобального информационного поля. Но и на ее территории периодически прорастали башни, борьбу с которыми вели подразделения ликвидаторов. Рейд вглубь реликтовых Облонских болот для спецгруппы сержанта Макарычева не обещал особых неожиданностей. Однако они начались уже на подходах к объекту. Не будь сержант атеистом, впору было бы назвать происходящее мороком и чудесами...

© Калугин А. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Калугин

Время лживой луны

Глава 1

Информационная башня похожа на воткнутую в небо стальную иглу. Особенно если смотреть снизу, стоя у подножия. Поднимаясь вверх от круглого основания, стены башни плавно сужаются и перетекают в остроконечную вершину, увенчанную тонким шпилем семи-восьмиметровой длины. Поверхность башни серебристо поблескивает, будто состоит из крошечных, почти неразличимых глазом, постоянно перетекающих друг в друга ртутных шариков.

– Ничего себе дура! – запрокинув голову, ефрейтор Стецук прижал пилотку рукой, чтобы не упала.

– Бывают и выше, – сержант Макарычев почесал за ухом сидевшего у него на плече большого, пушистого, белого кота. Тот довольно зажмурился и замурчал хозяину в ухо. – Я читал, что самая первая башня уже под двести метров вымахала. И вроде продолжает расти.

– Так то ж за кордоном, – хитро улыбнувшись, Стецук нарисовал пальцем круг. – А эта, – он похлопал ладонью по неожиданно теплой поверхности башни, – наша, отечественная. По телевизору-то я Луизианскую башню тоже видел. Да, большая. Но впечатление все равно не то.

– А, все они одинаковые, – пренебрежительно хмыкнул Макарычев. И покосился на кота. – Верно я говорю, Спиногрыз?

Кот тихо мявкнул и легко, по-дружески куснул сержанта за мочку уха.

Башня пряталась среди высоких сосен, с голыми внизу стволами и широко раскинутыми в стороны мохнатыми лапами ветвей по верхам. Можно было пройти в пяти шагах от нее, не заметив. Разве что металлический блеск, необычный в лесу, привлек бы внимание случайного путника. Да только ведь и не всякий в такую глушь забредет.

Взвод сержанта Макарычева и то не сразу вышел к башне, хотя егерь, первым обнаруживший ее, дал четкие ориентиры и даже зарубки местами сделал. А вот провожатым стать егерь отказался. Наотрез.

– Не, ребята, не пойду, – смоля «беломорину», упрямо мотал головой пожилой, кряжистый мужичонка. – Чо хотите со мной делайте, а не пойду. Я вам наводку дал – остальное ваша работа.

– А что так, дядя Егор? – спрашивал хорошо знавший егеря капитан Родный.

– Я такого страху, как там, еще никогда в жизни не терпел, – переходил на полусшепот егерь. – Хотите верьте мне, ребятки, хотите нет, а только явилась мне там моя жена, Алевтина Петровна, три года тому назад как преставившаяся.

– Может, померещилось? – недоверчиво шурился капитан.

– Ну да, конечно, – криво усмехался егерь. – Я-то знаю, как в лесу мерещится. Не ворожба это была, нет. Она, Алевтина Петровна, собственной персоной. С того света явилась, чтобы словечком со мной перемолвиться.

– И что же она тебе сказала?

Пожилый егерь нахмурился. Папиросный мундштук пожевал.

– Соблазнять она меня начала, ребяты... Ну, да, точно. Оставайся, говорит, со мной, мы тут славно заживем. Все у нас будет, чего только пожелаешь... И даже детишек, говорит, завести сможем... У нас, вишь ты, детишек-то не было... Не сложилось, значаца... А тут!.. – Егерь в сердцах кинул потухшую папиросу, раздавил ее сапогом. – В общем, сам не знаю, как ушел оттудова. И вот, понимаешь, боюсь, что в другой раз не удержусь и точно останусь.

– С женой?..

– Да какая она мне жена! Я ж вам говорю, моя жена, Алевтина Петровна, три года тому назад преставилась! Я, братцы, не дурак, а матерьялист закоренелый, знаю, что никакого загробного мира нету. И, ежели кто помер, так, значаца, всерьез и навсегда.

– Так ты ж сам говорил, – недоумевающе разводил руками капитан Родный.

– Что я говорил?

– Что жену видел.

– Видел. Только жена моя три года как померла. Выходит, не она это была, а тварь чужеродная, решившая мне голову заморочить!.. В общем, как хотите, ребята, а к башне я с вами не пойду...

В отличие от Закордонья в России-матушке мало кто может похвастаться тем, что собственными глазами видел информационную башню. Поэтому-то и истории про них рассказывают разные. По большей части – удивительные. Случается, что и страшные. Про странных существ, бродящих вблизи башен, да о чудных делах, что возле них творятся, многие говорят. Да только те, кто слушает, как правило, принимают истории эти за пустые рассказы.

– Господин сержант, – негромко окликнул Макарычева рядовой Портной.

С автоматом на изготовку парень выбрался из кустов, с той стороны, где основание башни, подломив под корень, завалило молодую невысокую сосенку.

– Оба-на! – тихо произнес сержант, глянув, куда указывал ствол автомата Портного.

В двух шагах от башни стояла белобрысая девчушка. Лет пять, не больше. С двумя короткими, тоненькими косичками, перехваченными на концах резинками. В простеньком белоголубом платьице. Босоногая.

– Что за диво дивное? – сдвинув пилотку на лоб, озадаченно почесал затылок Стецук. – Откуда здесь ребенок? – спросил он и при этом почему-то посмотрел на Портного. Как будто парень мог знать ответ.

– Тарья, – позвал негромко Портной. – Та-арья...

– Да? – выглянула у него из-за плеча дородная девица с длинными распущенными черными волосами.

Сегодня она оказалась одета в легкое, кажущееся невесомым платье с длинным подолом и широкими, будто стелющимися по воздуху рукавами. Причудливые трехцветные узоры расплетались и вновь сплетались при каждом движении девушки. Внешность у нее была яркая, запоминающаяся, эдакая редко встречающаяся северная статья, когда черты лица, по отдельности кажущиеся непропорциональными либо чрезмерно выпяченными, вдруг складываются в удивительный, неповторимый, ни на что не похожий орнамент.

Портной быстро глянул по сторонам. Как будто боялся, что кто-нибудь обратит внимание на его вымышленную подругу.

Сержант Макарычев, почесывая одним пальцем кота за ухом, изучал взглядом девочку. А та точно так же глядела на него. Ефрейтор Стецук раскуривал сигарету, ладонью старательно прикрывая зажигалку от ветра. Остальные семеро бойцов взвода стояли на отведенных им позициях, вокруг башни, и ждали приказов. Их мало беспокоило происходящее. Существенным являлось то, что, кроме сержанта, своего, можно сказать, парня, других командиров поблизости не было. А, значит, можно было расслабиться. Покурить. На время позабыть о службе.

– Что думаешь, Тарья? – спросил Портной.

– О девочке?

– Ну а о чем же еще?

– Убей ее.

– Ничего себе, ты сказала!

– Убей, иначе она убьет тебя.

– С чего бы вдруг?

– Тебя смущает то, что она похожа на человека. Но на самом деле это монстр, сотворенный информационной башней.

– Никогда не слыхал о таком.

– Что ж, все в жизни случается в первый раз.

– Но это всего лишь ребенок...

– Объясни мне, умник, как этот ребенок мог один оказаться в тайге, в глуши непролазной, в семидесяти километрах от ближайшего торного пути?

– Не знаю... Она могла заблудиться.

– Ага, – саркастически усмехнулась Тарья. – Пошла грибы-ягоды собирать, заблудилась и вышла точнехонько к избушке. А в избушке той живут три медведя. И все как один людоеды. А все потому, что зиму не спали и страшно проголодались. Вот и решили мишки: на хрен нам эта избушка сдалась? Какой от нее прок? Снесли домишко, посадили на его месте спору, и спустя месячишко выросла роскошная информационная башенка, обеспечившая мишек всем необходименьким. Теперь живут мишки в покое и достатке, лапу посасывают да башенку свою информационную похваляют.

– А девочка тут при чем? – озадаченно шевельнул бровями Портной.

– При том, что зря она в такую глухомань забралась... Посмотри, ноги у нее босые. Похоже, что она прошла по лесу хотя бы пару километров?

– Нет.

– Какие еще сомнения?

– Зачем башня создала ребенка?

– Я не знаю.

– А что, если это все же человек? Созданный башней, но – человек. Способный, как и мы, думать, принимать решения, чувствовать боль.

– Тогда его тем более следует прикончить, – решительно заявила Тарья.

– Почему?

– Потому что мы не знаем, для чего он создан.

– Ты полагаешь, следует уничтожить все, что мы не в силах понять?

– Нет, не все, – покачала головой Тарья. – Я не призываю стирать рисунки на плоскогорье Наска или взрывать Стоунхендж. Но то, что ты сейчас видишь перед собой – это явление иного порядка. Это существо из другого, чуждого нам мира. Которое намерено изменить, перестроить наш мир, не спросив, хотим ли мы этого.

– Сержант, эта девочка...

– Что? – быстро, будто испугавшись чего, посмотрел на Портного Макарычев.

– Я про девочку, – кивнул на ребенка солдат.

– Вижу. Ну?..

– Странно как-то... Откуда она здесь?.. Босая...

– Ага, и не говорит ни слова, – кивнул сержант.

– И смотрит так... – Стецук обхватил себя руками за плечи и поежился, будто от холода. Обычно, если в одном из близлежащих поселков пропадал человек – тайга вокруг, так что люди, даже местные, бывает, что и теряются, – солдат посылали лес прочесывать. Последние шесть месяцев ничего подобного не случилось.

Девочка стояла совершенно не по-детски – широко расставив ноги и убрав руки за спину. И сумрачно, исподлобья глядела на решающих ее судьбу мужчин с оружием, одетых в военную форму. Так, словно прекрасно понимала, что происходит, но при этом ей это было абсолютно безразлично. Как будто здесь находились лишь органы ее восприятия, передающие информацию разуму, прячущемуся где-то в совершенно ином месте.

Сержант подошел ближе к девочке, остановился в трех шагах от нее и присел на корточки.

– Как тебя зовут?

Девочка смотрела на него и угрюмо молчала.

– Ты любишь кошек?

Снова никакой реакции.

Сержант снял кота с плеча и поставил его перед собой на землю.

– Это мой кот. Его зовут Спиногрыз. Он любит играть с маленькими девочками. Портной положил большой палец на затворную раму автомата.

Сержант погладил кота, проведя ладонью от лобастой головы до мохнатого, как ершик, хвоста, и тихонько подтолкнул его в сторону девочки.

Спиногрыз сделал два коротких, по-кошачьи осторожных шага. Опустил голову к земле, принялся. Сделал еще шаг. Посмотрел на девочку. И вдруг выгнул спину, взъерошил шерсть на загривке и зашипел противно и злобно.

Сержант щелкнул пальцами и протянул руку.

Кот тут же повернул назад и по протянутой руке вскарабкался Макарычеву на плечо.

– Плохо дело, – не оборачиваясь, сказал сержант.

– Да ладно, – усмехнулся Стецук. – У твоего кота сегодня дурное настроение.

– Ты когда-нибудь видел Спиногрыза в дурном настроении? – через плечо посмотрел на ефрейтора сержант.

– Ну... Как-то раз он мне руку крепко разодрал.

– Когда ты у него котлету отнять пытался.

– Ну и что! Он ел ее прямо на взлетке!

Сержант усмехнулся, почесал кота за ухом и поднялся на ноги.

– Егоркин! – крикнул он, отыскав взглядом невысокого, коренастого солдата с коробкой полевой рации на плече. – Ну, что там?

– Ликвидаторы выехали! – крикнул в ответ солдат.

– Они уже три часа как выехали!

– Ну, не доехали еще, – развел руками боец.

– Видно, застряли где-то, – прокомментировал Стецук. – Или с пути сбились... Ох, уж мне эти городские!..

– А с девочкой-то что? – спросил Портной.

– Муратов! Сбегай к машине, притащи одеяло!

– Он хочет забрать ее с собой? – спросила Тарья.

– Похоже на то, – кивнул Портной.

– Нельзя!

– Почему?

– Она заражена!

– Ну, не факт...

– Вот именно, что факт!

– Сержант, а что, если девочка заражена?

– Чем? – сержант посмотрел сначала на Портного, затем на выглядывающую из-за его плеча девушку. – Уинами?

– Ну, да... Поэтому и ведет себя так... Странно.

Макарычев сделал знак Стецуку, и тот протянул ему распечатанную пачку сигарет. Сержант курил редко, все собирался бросить, а потому сам сигареты в кармане не носил – отдавал другим на сохранение. Последние полгода, в ходе общенародной кампании по борьбе с курением, контрактникам, которые не имели сей дурной привычки, доплачивали пять процентов к оговоренной сумме. Президентский указ.

Стецук щелкнул зажигалкой, ладонью прикрыл язычок пламени от ветра. Ему было все равно – он мотал срочную.

Прикурив, сержант глубоко затянулся, почесал кончик длинного носа двумя сложенными вместе пальцами, между которыми была зажата сигарета, и в задумчивости посмотрел на девочку. Макарычеву уже приходилось принимать участие в операциях по уничтожению информационных башен. Так себе работа – скучная, но непыльная. От него требовалось только оцепить участок, на котором предстояло работать ликвидаторам. Притом что находили новые

башни, как правило, в глухих, безлюдных местах, задача носила чисто символический характер. Однажды один из бойцов едва не подстрелил невесту как забредшего в те же самые места сборщика кедровых шишек. А вот иметь дело с маленькими, босоногими девочками, напроочь отказывающимися общаться с незнакомыми людьми, Макарычеву прежде не доводилось.

Подбежал Муратов с серым шерстяным одеялом, переброшенным через плечо.

– Отведи ее в машину, – взглядом указал на девочку сержант. – Чаем напои, дай поесть, если захочет.

– Ясно, – кивнул Муратов. – А одеяло зачем?

– Так полагается, – строго глянул на подчиненного сержант. – Не в курсе? У человека после нервного шока озноб начинается.

Муратов с сомнением посмотрел на девочку. Озноб ее вроде бы не бил. И судорога не крутила. Но почему-то бойцу страшно не хотелось даже близко подходить к этому маленькому живому существу.

– Ладно, действуй! – Макарычев схватил подчиненного за плечо и подтолкнул в нужную сторону. – Можешь без одеяла.

– А потом что? – спросил у сержанта Портной.

– Отдадим ее ликвидаторам, – затаившись в последний раз, Макарычев кинул сигарету подальше в кусты – чтобы никаких следов. – Пусть сами с ней разбираются.

Муратов осторожно, как кот, приблизился к девочке, наклонился и улыбнулся. Почти заискивающе.

– Как тебя зовут?

– Это мы уже проходили, – усмехнувшись, махнул рукой Макарычев.

Как будто соглашаясь с хозяином, кот одобрительно мяукнул.

Муратов протянул девочке руку.

– Тебе не холодно?

Не поворачивая головы, девочка бросила на него холодный, равнодушный взгляд. Муратов передернул плечами, как будто за воротник ему кинули кубик льда.

– Ну, ладно... – Он перекинул одеяло через локоть и снова протянул девочке руку: – Пойдем, я отведу тебя к машине. Там у нас есть горячий чай, шоколад...

Быстро, будто боясь, что солдат убежит и оставит ее одну, девочка схватила его за палец. Рука у нее была холодная, а кожа гладкая, как пластик.

– Ну, вот и славно, – натянуто улыбнулся Муратов. – Пойдем...

Макарычев сел на плотный слой сухих сосновых иголок на земле, снял с плеча кота и посадил его рядом с собой. Спиногрыз гордо вскинул голову и кольцом обернул вокруг себя пушистый хвост.

Что-то негромко насвистывая, Стецук отошел к кустам и расстегнул штаны.

Портной внимательно наблюдал за солдатом, ведущим за руку маленькую босоногую девочку. Что-то с этой парой было не так. Что-то неправильное сквозило в каждом их движении.

– Она идет так, будто не чувствует иголок под ногами, – сказала вновь явившаяся из небытия Тарья.

Точно, отметил про себя Портной, ступает, точно по ковру. А ведь среди сухих иголок и шишки попадают, и сучки...

– Симпатичная у тебя подружка, Миха!

– Что? – непонимающе посмотрел на сержанта Портной.

– Да не тушуйся, Миха, – усмехнулся сержант. – В зоне информационного поля некоторые особо яркие мысленные образы могут материализоваться. Не на все сто. До состояния эдаких полупризрачных субстанций, – Макарычев кивнул на Тарью. – Подружка твоя?

– Не в том смысле... – Портной покосился на Тарью. На его взгляд, она вовсе не напоминала призрака. Выглядела, как живая женщина, которую, при желании, и потрогать можно было. – Ну, то есть мы не встречались...

– Давай, давай, – ехидно улыбнулась Тарья. – Объясни ему, откуда я появилась.

– Старая добрая знакомая, – нашел нужное, как ему казалось, определение Макарычев.

– Ну, вроде того, – вынужден был согласиться Портной.

– И никаких намеков на секс?

Михаил снова посмотрел на Тарью. Да уж, сегодня она выглядела как никогда привлекательно.

– Нет, – покачал он головой.

Возможно, что и с досадой. А, может быть, с обидой.

– А зря, – выбравшись из кустов, усмехнулся Стецук. – Деваха красивая.

– Спасибо за комплимент, – улыбнулась Тарья.

– Черт! – удивленно вытаращился Стецук. – Она и говорить умеет!

– Что она сказала? – быстро спросил Макарычев.

– «Спасибо за комплимент»... Так, кажется.

– Я тоже это слышал.

– Ну а я что говорю!

– Мысленные образы, даже материализовавшись, не могут разговаривать.

– А я могу, – Тарья убрала за ухо упавший на щеку черный, как вселенский мрак, локон.

– Она может, – подтвердил Портной.

Внезапно Тарья переместилась так, что лицо ее оказалось вровень с лицом Портного. Глаза в глаза. Если смотреть долго, то можно провалиться в чужой зрачок.

– Оглянись! – взмахнула рукой Тарья.

Портной обернулся.

Девочка, которая прежде спокойно шла рядом с Муратовым, держа бойца за руку, непонятно с чего вдруг начала артачиться. Она упиралась голыми пятками в землю, приседала, пыталась вырвать ладонь из руки Муратова. Но при этом, как и прежде, не издавала ни звука. Портному не было видно ее лица, но он был почти уверен, что на нем все то же отрешенно-бесстрастное выражение. Наверное, потому что лицо Муратова, который видел перед собой глаза девочки, было испуганным. Это был не панический страх, способный заставить человека потерять голову и начать совершать глупости, а страх, произрастающий из растерянности и непонимания, когда не знаешь, что делать, и безумно, до дрожи в коленках боишься совершить неверный шаг.

– Муратов, что там у тебя? – крикнул Макарычев.

– Не знаю, господин сержант!.. Она не хочет идти!

– Конечно, – тихо, так, что слышал ее на этот раз один лишь Портной, произнесла Тарья. – Они подошли к границе генерируемого башней информационного поля. Дальше ей нельзя.

– Почему?

– Сломается.

– Ну, так возьми ее на руки! – приказал Макарычев.

– Понял, господин сержант!

Муратов одной рукой сдернул с локтя одеяло, встряхнув, расправил, как тореадор мулету, и попытался накинуть на ребенка.

Девочка дернулась и откинулась назад так, что почти легла на землю. Муратов потянул ее за руку, пытаясь поднять и завернуть в одеяло.

И тут-то как раз послышался странный звук, похожий одновременно на протяжный, тонкий свист и змеиное шипение. Едва услышав его, сержантский кот вскочил на все четыре лапы, выгнул спину, ошетинился, встопорщил длинные усищи и зашипел в ответ.

Из тела девочки, разорвав платье, выскользнуло множество, не меньше сотни, щупальцев – тонких, извивающихся, тускло отсвечивающих, будто алюминиевая проволока. Метнувшись вначале в разные стороны, щупальца быстро собрались в некое подобие готового распуститься бутона. И вдруг, резко распрямившись, устремились к застывшему на месте ошарашенному бойцу.

– Стреляй! – скомандовала Тарья.

Рядовой Михаил Портной пошире расставил ноги, поднял автомат, плотно прижал приклад к плечу, тщательно, как на стрельбах, прицелился и нежно, будто только погладить хотел, надавил на спусковой крючок.

От звука выстрела встрепелулись ветки близлежащих деревьев – сидевшие на них птицы в страхе разлетелись.

Пуля вошла девочке в затылок и вышла в области лба, выбив часть черепной кости. Малышка посмотрела на Муратова широко раскрытыми, удивленными, а может быть, злыми глазами, раскинула руки в стороны и, не издав ни звука, упала навзничь. Выглядело это крайне неестественно. Будто тряпичная кукла пыталась изобразить невинную жертву солдатского произвола.

Вытирая о штаны руку, за которую его держала девочка, Муратов попятился назад.

– Молодец, Портной, – похвалил солдата сержант.

– Отлично, – шепнула ему на ухо Тарья.

– Пойдем, глянем, что там? – предложил Стецук.

Макарычев взял кота под мышку и быстро зашагал туда, где лежала мертвая девочка. За ним – Стецук и Портной. Последнего сержант с собой не звал, но и оставаться на месте тоже не приказывал. Так почему ж не пойти? А Тарья исчезла.

Кот, зажатый локтем сержанта, начал недовольно ворчать и теревить когтями рукав его куртки.

– Спокойно, Спиногрыз, спокойно, – погладил кота сержант. – Я уже понял, что ты чувствуешь измену.

Мертвое тело, к которому они направлялись, будто ожило. Тонкие щупальца, извиваясь, устремились вверх и вдруг, словно обжегшись, отпрянули, опали к земле и исчезли, ушли, как вода, под слой опавших желтых иголок. Тело же сделалось похожим на оболочку лопнувшей надувной куклы. Казалось невозможным, что совсем недавно, каких-то пару минут назад, эти лохмотья были наполнены жизнью. Или, по крайней мере, выглядели как живая плоть.

Наклонив голову, Стецук внимательно осмотрел останки. Затем строго посмотрел на Муратова, стоявшего в стороне с одеялом, прижатым к груди.

– Ну что, добаловался! – во всю глотку рявкнул на солдата ефрейтор.

Муратов втянул голову в плечи. Он даже зажмуриться хотел, но в последний момент решил, что выглядеть это будет совсем уж глупо. Ему уже не было, как прежде, страшно, но он все еще не понимал, что происходит. В отличие от ефрейтора, который... Который почему-то орал на него.

Собственно, именно на такой эффект и рассчитывал Стецук – солдат должен быть уверен в том, что командир знает и понимает больше, чем он. Хотя на самом деле это могло быть совсем не так. Да, как правило, именно так и бывает. Особенно когда речь идет о старших командирах.

– Кончай, – недовольно поморщился Макарычев, в отличие от Стецука не любивший делать ставку на чисто внешние эффекты.

Ефрейтор присел на корточки. В руке у него оказался выкидной нож. Прежде, чем пустить нож в дело, Стецук эффектно взмахнул им. Как будто иначе бы и лезвие из рукоятки не выскочило. Кончиком ножа ефрейтор осторожно подцепил кожу мертвого существа и потянул вверх. Да, это была уже не девочка с парой умильных косичек, а именно существо. Чуждое, неведомое и, возможно, опасное. Скорее всего – опасное. Но уже мертвое. На острие ножа повисла странная субстанция, похожая то ли на плевок туберкулезной слизи, то ли на кусок расплавленного пластика, то ли на то и другое одновременно. А может быть, и вовсе ни на что не похожее. Ефрейтор стряхнул мерзкое вещество с ножа и вытер острие о землю.

– Херня какая-то, господин сержант, – снизу вверх глянул он на Макарычева.

– Вижу сам, что херня, – озабоченно сдвинул брови сержант. – Другие соображения имеются?

– Девчонка была связана с башней, – сказал Портной.

– Ну, это очевидно, – кивнул сержант. – Что дальше?

– Нам-то что за дело, – Стецук поднялся на ноги и, за неимением воды, только отряхнул руки. – Приедут ликвидаторы, пускай они и разбираются.

– Видишь ли, дружище, – Макарычев положил руку ефрейтору на черный погон. – Если уж мы столкнулись с этим однажды, то, скорее всего, встретимся снова. И в следующий раз мне хотелось бы, чтобы мы понимали, что происходит, и знали, как нам следует поступать. А не надеялись на то, что хороший парень Миша Портной вовремя нажмет на курок.

– Да, Портной у нас сегодня герой, – подмигнул солдату ефрейтор. – Где стрелять научился? Не в армии ж?

– Нет, – коротко ответил Портной.

Вдаваться в подробности ему не хотелось. Да их, подробностей этих, похоже, никто и не ждал. Во взводе сержанта Макарычева так уж было заведено – каждый имел право держать свой скелет в шкафу. При условии, что твой скелет другим не мешает.

– Егоркин! – крикнул сержант. – Ну, что там у тебя?

– У меня все в порядке! – тут же отозвался солдат. – А ликвидаторы, похоже, застряли!

– Похоже?

– С базы отвечают, что они уже четыре часа как выехали! Раз все еще не доехали, значит, где-то застряли!

– Логично, – кивнул ефрейтор.

Макарычев сорвал травинку, поковырял ею в зубах. Сплюнул в сторону. Задумчиво посмотрел на то, что осталось от девчушки. Кот, которого он все еще держал под локтем, недовольно мявкнул.

– Муратов! Присмотри за котом!

Сержант кинул кота солдату.

Тот не успел даже понять, что происходит, а кот, вцепившись когтями в одеяло, быстро вскарабкался солдату на плечо и уселся там, закинув хвост на спину.

– А мы? – ефрейтор протянул сержанту пачку сигарет.

– А мы... – Макарычев потянулся было за сигаретой, но вдруг передумал и только щелкнул пальцами над распечатанной пачкой. – А мы пойдем посмотрим на башню.

– А чего на нее смотреть-то? – недоумевающе глянул на предельно лаконичную конструкцию Стецук. – Башня – она и есть башня. Дура железная!

– В том-то и фокус, что не железная, – неожиданно встряла в разговор выплывшая из-за спины Портного Тарья.

Она встала слева от солдата, почти касаясь его плечом, и кокетливо намотала на пальчик длинный смоляной локон. Ефрейтор только посмотрел на Тарью и тут же потек, как мед на солнце. Глазки заблестели, губы расплылись в улыбке сладенькой.

– Эх, была бы ты живой, – томно вздохнул Стецук. И тут же, глянув на Портного, добавил:
– Без обид, Миха. Я ж не по-настоящему.

Портной дернул плечом – понятно, мол, о чем речь.

– То-то и оно, что не по-настоящему, – с показной досадой щелкнула пальцами Тарья. –
В этом-то и заключается вся твоя проблема, ефрейтор.

– Какая такая проблема? – насторожился Стецук.

– Да та самая, – насмешливо прищурилась Тарья.

– Нет, – криво усмехнувшись, затряс головой Стецук. – Ты о моих проблемах ничего не знаешь... Да, к черту! Нет у меня никаких проблем.

Тарья уперлась рукой в крутое бедро, чуть подалась вперед и громким полусшепотом произнесла:

– Я все о тебе знаю, ефрейтор. Ты что, забыл, мы ведь сейчас где?

– Где? – растерянно повторил Стецук.

– В зоне информационного поля, – указала на башню Тарья. – Башня сканирует твой мозг и считывает с него всю информацию. Сейчас все твои воспоминания, все страхи и желания витают вокруг, – Тарья взмахнула широкими рукавами. – И я, – она сделала быстрое, резкое движение, как будто комара прихлопнула, – могу этим воспользоваться.

– Да ладно! – недоверчиво прищурился Стецук.

– Июньская ночь, сеновал возле пруда, недалеко ржет лошадь. В тумане ее не видно, но она белая. Зовут ее Ландыш...

– Хватит! – поднял руку Стецук.

– Я тоже думаю, что психоанализом мы можем заняться в другое время и в другом месте. И лучше без свидетелей. Верно?

– Ага, – послушно кивнул ефрейтор.

– Так что ты про башни? – напомнил сержант.

– Они не металлические, как может показаться. Любая информационная башня состоит из невообразимо огромного числа крошечных нанороботов. Так называемых уинов – универсальных информационных носителей.

– Это я знаю, – кивнул Макарычев. – Но сами уины разве не металлические?

– Увы, – развела руками Тарья. – До сих пор не удалось установить природу материалов, из которых выполнены уины. Вам так же, должно быть, известно, что уины обладают определенным сродством с живыми организмами. Тела людей, живущих за кордоном, в зоне единого информационного поля, буквально кишат уинами. И при этом люди чувствуют себя замечательно.

– Нарки тоже чувствуют себя превосходно, до тех пор, пока дурь есть, – вернул Стецук.

– Правомерное сравнение, – согласилась Тарья.

– Мы о башне говорим, – снова напомнил Макарычев.

– Башня, состоящая из плотной массы нанороботов, может менять свою форму и структуру... – Тарья сделала паузу. – Я так полагаю.

– Это хорошо или плохо? – не понял сержант.

– Как, по-твоему, откуда появилась девочка? – недовольно сдвинула брови Тарья.

– Ее создала башня.

– Я спросила, не кто ее создал, а откуда она появилась? Чувствуешь разницу?

Макарычев посмотрел на башню.

– Ты хочешь сказать?..

– Ну, конечно!

– Идем!

Макарычев быстрым шагом направился к башне.

– Эй! Сержант! – всполошенно взмахнул руками Стецук. – Ты чего задумал?

– Не хочешь – не ходи, – коротко бросил в ответ Макарычев.

Стецук быстро догнал и обогнал Портного, шедшего на шаг позади сержанта.

– При чем тут «не хочешь»? Ликвидаторы нам за самоуправство знаешь как вломят!

– Не вломят. Прав таких не имеют.

– Ну, пусть не вломят, – согласился Стецук. – Зато настучат куда следует. А там уж точно вломят. Нам ведь приказано только оцепление выставить. И ждать ликвидаторов.

– Знаешь что, Стецук...

– Что?

– Представь, что это бомба. А саперы где-то по дороге задержались. Так что ж нам теперь сидеть и ждать, когда она рванет?

– Зачем же сидеть? Нужно отойти на безопасное расстояние.

– Скучный ты человек, Стецук, – с укоризной вроде как покачал головой Макарычев.

– Неправда! – ефрейтор бросил взгляд на Портного, будто ища у него поддержки. – Я петь люблю! И анекдоты рассказываю так, что народ ухохатывается.

– Скучный – потому что прагматизма в тебе до фи́га, – уточнил сержант.

– Ну, если ты так ставишь вопрос...

Слово «прагматизм» вовсе не казалось ефрейтору оскорбительным. Скорее, даже наоборот. Поэтому он решил не продолжать спор. Вон ведь, говорят, что Наполеон тоже был невыносимо скучен, настолько, что у генералов его челюсти сводило, когда он их веселить пытался. И Цицерон...

– Цицерона никто никогда не называл скучным, – сказала Тарья.

– Это ты к чему? – удивленно посмотрел на нее сержант.

– Да так, – махнула рукой девушка.

Ефрейтор втянул голову в плечи и затаился. Интересно, подумал он, а если каску надеть?

– На данный момент не придумано эффективного средства экранирования информационного поля, – ответила ему Тарья.

В основании башни лежал идеальный круг с радиусом метров семь. Поднимаясь вверх, массив башни постепенно сужается, но, стоя у ее подножия, этого почти не замечаешь. Башня растет. Растет постоянно, хотя и незаметно для глаза. По мере того как составляющие ее уины воссоздают себе подобных, основание ее становится шире, а шпиль устремляется выше в небеса.

Макарычев остановился возле башни. Поверхность, казавшаяся едва ли не зеркальной, тем не менее ничего не отражала. Даже лучи по-летнему яркого солнца, прорывающиеся кое-где сквозь густые ветки, гасли и исчезали, попадая на нее. Сержант протянул руку и приложил ладонь к стене башни. Поверхность была абсолютно гладкой. И еще – чуть теплой.

До сих пор среди ученых не стихают споры о том, следует ли считать уины живыми существами. Да, конечно, природа их небиологическая, но при этом они соответствуют всем тем параметрам, по которым по сей день было принято отличать живое от неживого. Уины обладают способностью осуществлять взаимообмен с внешней средой, причем как на химическом, так и на информационном уровне. Они активно реагируют на воздействие внешней среды, и ответное действие их отнюдь не механистично, а вполне адекватно, можно даже сказать, осмысленно. И, наконец, уины обладают способностью воссоздавать себе подобных. Информационные башни, по мнению все тех же специалистов, являются для уинов чем-то вроде муравейников. Собравшись вместе в огромном количестве, уины могут более активно и целенаправленно заниматься развитием своих квазисообществ – это первое. Башни создают вокруг себя информационное поле, в котором только и могут полноценно функционировать уины, – это второе. И, наконец, с помощью башен осуществляется информационный обмен между отдельными колониями уинов – это третье. Схема получается очень даже красивая, вполне логичная и в целом непротиворечивая. Но, как известно, в жесткие рамки придуманной им самим схемы

ученый, при желании, может загнать все, что угодно. Всякий же, кому на практике приходилось иметь дело или хотя бы наблюдать так называемые феноменальные проявления деятельности информационных башен, понимал, что ни одна из существующих теорий не способна объяснить происходящее. Башни как были, так и остаются загадкой. Главной проблемой двадцать первого века. Серьезным, целенаправленным изучением феномена информационных башен занимаются единицы. В то время как большая часть человечества просто получает удовольствие от тех благ, что без всякого труда можно извлечь из ситуации. Не задумываясь о том, чем это может обернуться завтра. Тем, кто однажды вкусил этого сладкого яда, уже невозможно было представить себе жизнь без мириад послушных уинов, готовых по первому требованию выполнить любое твоё желание. Как джинн. Который, как известно, только и ждет момента, чтобы, воспользовавшись оплошностью хозяина, уничтожить его. Причем по его же собственному желанию.

Ведя пальцем по стене, сержант медленно обошел башню по кругу. Глухая стена с абсолютно однородной структурой поверхности. Временами Макарычев постукивал по стене согнутым пальцем. Звук был такой, будто стучишь по рельсу. Даже если внутри башни имелась какая-то полость, на присутствие ее ничто не указывало.

Вернувшись к ожидавшей его троице, сержант засунул руки в карманы, прикусил верхнюю губу и глубоко задумался.

– А ты не можешь заглянуть внутрь? – искоса глянул он на Тарью.

Девушка отрицательно качнула головой.

– Ну, если даже она не может... – Стецук развел руками, мол, чего уж нам тогда корячиться.

– Но ведь девчонка как-то выбралась из башни, – указательным пальцем сержант нарисовал в воздухе короткую дугу.

– Может, она от нее отпочковалась? – высказал робкое предположение Портной.

– Тогда на башне имелись бы и другие почки-зародыши, – резонно возразила Тарья.

– А вы, – ефрейтор указал пальцем сначала на Портного, затем – на Тарью, – разве не об одном и том же думаете?

– Об одном, – кивнула Тарья. – Только по-разному.

– Ор-ригинально, – усмехнулся Стецук. – Слушай, сержант, – мысль его быстро приобрела иную направленность, – а может, ломом попробовать?

– Бесполезно, – ответила за сержанта Тарья. – Уины будут восстанавливать ее быстрее, чем ты – ломать.

– А мы все вместе! – Стецук воодушевленно поднял сжатые в кулаки руки.

– Ликвидаторы, чтобы уничтожить башню, заливают ее жидким азотом, – сказал Макарычев. – Глубокая заморозка – единственный способ, с помощью которого можно вывести из строя уины.

– А чисто механически? – Стецук стукнул кулаком о кулак.

– Ты когда-нибудь пробовал раздавить блоху? – спросила Тарья.

– Нет. А что, трудно?

– Невообразимо.

– Значит... – ефрейтор сунул сигарету в рот и щелкнул зажигалкой. – Нужно произнести волшебное слово. Что-нибудь вроде: «Сезам, откройся!»

– Точно! – радостно щелкнул пальцами Макарычев. – Нужно заставить башню открыть вход!

– Как? – выпустил облачко табачного дыма Стецук.

– Обмануть ее!

– Я догадалась! – радостно хлопнула в ладоши Тарья. – Мы натянем на ефрейтора шкурку мертвой девочки!

– Ага! – насмешливо кивнул Стецук. – Догадливая ты наша! Может, и натянули бы, да размерчик не тот!

– Мы должны найти вход в башню, – четко отбивая ритм взмахами пальца, произнес Макарычев. – Ну... или хотя бы попытаться найти.

– А зачем? – задал, в принципе, вполне резонный вопрос Стецук.

Портной тоже спросил бы сержанта об этом, непременно спросил бы, если бы не субординация.

– Ну, а чем тут еще заниматься? – недоумевающе пожал плечами сержант. – Сидеть, курить и ждать ликвидаторов?

– Ага, – расплылся в довольной ухмылке Стецук.

– Ладно, – махнул двумя пальцами Макарычев. – Давай сигарету.

Затянувшись, сержант задумчиво уставился на башню.

Глава 2

Вызов в штаб, как правило, не сулит ничего хорошего. Поэтому, когда ворвавшийся в расположение роты помощник дежурного по штабу звонко и радостно заголосил: «Сержанта Макарычева к командиру батальона!», сержант снял с ноги тапок и запустил им в посыльного.

Тот, наученный армейской жизнью, успел увернуться и тут же, дабы не провоцировать сержанта на более жесткие неуставные взаимоотношения, выскочил за дверь.

– Думаешь, из-за башни? – спросил негромко Стецук.

– А то, – сержант влез в сапоги, застегнул ремень и одернул куртку. – Ликвидаторы успели стукнуть.

– Так мы ж думали, как лучше...

– Ну а получим, как всегда, – по первое число.

Сержант ткнул ефрейтора кулаком в плечо – не тушуйся, мол, прорвемся, – и, цокая новенькими подковками на сапогах, поспешил к выходу.

Комбат стоял на широком штабном крыльце, заложив руки за спину, и с тоской наблюдал за тем, как бегают по плацу пара штрафников. У одного в руках была большая кастрюля с ячневой кашей, у другого – сетка яиц. Комбат слыл мастером по делу изобретения наказаний для проштрафившихся бойцов.

Подбежав к комбату, Макарычев лихо щелкнул каблуками и вскинул руку к пилотке.

– Господин майор! Сержант Макарычев по вашему приказанию!..

– Вольно, сержант, – даже не взглянул на Макарычева комбат. И, поведя тяжелым подбородком в направлении штабной двери, недовольно добавил: – Иди. Ждут тебя.

– Кто? – растерялся сержант.

Он-то полагал, что втык за самоуправство ему лично комбат сделает. А выходит, дело пошло выше. Так высоко, что даже комбату это не нравится.

– Сам увидишь, – резко дернул подбородком майор. – В моем кабинете... – и раздраженно: – Что вдруг тебя на подвиги потянуло, Макарычев?

– Не знаю, господин майор, – честно признался сержант.

Комбат снял фуражку, протер внутренний ее край платком и снова надел. Коротко бросил:

– Ступай.

Это означало, что он сказал все, что считал нужным. Остальное должно было стать для сержанта сюрпризом.

Макарычев коротко козырнул и побежал вверх по лестнице.

– А ну, живее! Живее! – раздраженно прикрикнул на бегающих по плацу штрафников комбат.

Влетев в штаб, сержант, не останавливаясь, махнул рукой помощнику дежурного по штабу, что сидел за пластиковой перегородкой, пробежал по узкому коридору и в некоторой нерешительности остановился перед последней дверью, за которой находился личный кабинет командира батальона. Тот или те, кто ждали его за дверью, явно были чинами немалыми – случай небывалый, чтобы комбат уступил кому-то свой кабинет. А значит, войдя в кабинет, сержанту следовало представиться. Сержант-контрактник, прослуживший без малого четыре года, знал, по крайней мере, полтора десятка способов, как представиться старшему по званию. И то, что годилось для одного, было совершенно неприемлемо для другого. Всего лишь легкой игрой интонациями голоса или едва заметным поворотом поднятой для отдания чести ладони сержант мог выразить свое отношение к тому, с кем предстояло иметь дело. В самом широком диапазоне – от почтительного уважения до уничижительного презрения. Как обращаться к тем, кто находился за дверью, сержант не знал. А майор даже не намекнул. Видно, действи-

тельно был зол на Макарычева. Хотя сам Макарычев за собой большой вины не чувствовал. Ну, что, спрашивается, с того, что, не дожидаясь пентюхов-ликвидаторов, застрявших где-то в пути, как корова в канаве...

Дверь неожиданно приоткрылась – сержанту пришлось сделать полшага назад, чтобы не получить по носу, – и выглянул из-за нее невысокий черноволосый человек в сером цивильном костюме. Под пиджаком у него была светло-голубая рубашка с неприлично расстегнутой верхней пуговкой. Лицо, помимо длинного, острого носа, украшали усы и аккуратная черная борода. Одним словом, незнакомец был явно не армейской косточкой. И при этом выставил комбата из его же собственного кабинета.

Н-да...

Макарычев недоумевающе смотрел на незнакомца и молчал. Потому что просто не знал, что следует говорить в такой ситуации.

«Здравствуйте»?

Или «Разрешите представиться»?

– Вы ко мне? – спросил чернобородый.

– Сержант Макарычев.

Сержант махнул рукой так, что и не поймешь, – не то честь отдал, не то муху со щеки согнал.

– А, вас-то я как раз и жду.

Незнакомец приглашающе распахнул дверь.

Сержант переступил порог. Сдернул с головы пилотку. Скомкал ее в кулаке.

В кабинете никого не было. Только он и чернобородый. Гражданский. Или...

В голове у сержанта закрутились очень неприятные мысли.

– Садитесь.

Чернобородый указал на ряд стульев, аккуратно выстроенных вдоль длинного, покрытого зеленым сукном стола для совещаний.

Сержант полагал, что чужак усядется за громоздкий двухтумбовый письменный стол комбата, приставленный к большому столу, как перекладина к букве «Т». В черное полукресло с широкой, удобно выгнутой спинкой. Точненько под портрет президента. Однако чернобородый обошел стол и сел на стул напротив сержанта. Переплетя пальцы, положил руки перед собой.

На вид – лет тридцать семь. Максимум – сорок, если ведет исключительно здоровый образ жизни. Лицо... Да, пожалуй, интеллигентное. Пальцы на руках длинные, тонкие, но, похоже, сильные. На запястье левой руки, между большим и указательным пальцами, небольшой полукруглый шрамик. Как от сведенной татуировки.

– Моя фамилия – Безбородко, – гражданский улыбнулся и провел ладонью по бороде. – Ну, так уж сложилось... Зовут – Лев Феокистович. А вы, как я понимаю, Сергей Николаевич Макарычев?

Сержант молча кивнул.

– Чудненько! – Безбородко откинулся назад и положил локоть на спинку стула. – Как сложится, Сергей Николаевич?

Макарычев сдвинул брови и подозрительно посмотрел на Льва Феокистовича. Ему определенно не нравился такой разговор.

– В каком смысле?

– Да вообще! – Лев Феокистович эдак неопределенно взмахнул рукой. – Вы, часом, не курите?

– Нет, – мотнул головой сержант.

– А то пожалуйста, – Безбородко сделал жест в сторону большой командирской пепельницы. – Я сам не курю, но мне нравится запах табачного дыма.

– Нет! – решительно отказался Макарычев.

– Ну, хорошо, – Безбородко легонько стукнул кончиками пальцев по краю стола. – Собственно, я хотел поговорить с вами о том, что случилось вчера.

Макарычеву определенно понравилось то, что Лев Феоктистович сказал «случилось», а не «произошло». Потому что случай – это все же следствие непредвиденного стечения обстоятельств, а происшествие – расплата за халатность. Но, будучи человеком искушенным в словесных играх, он все же на всякий случай спросил:

– А что случилось вчера?

– Башня, – мило улыбнувшись, напомнил Безбородко.

– А-а, – многозначительно протянул Макарычев.

– Так! – решительно хлопнул в ладоши Лев Феоктистович. – Давайте-ка расставим все точки над «ё». Вас, господин сержант, ни в чем не обвиняют. И я не провожу служебное расследование. Мне нужно во всех подробностях узнать, что случилось вчера возле информационной башни, вокруг которой стоял в оцеплении ваш взвод. И расспрашивать об этом я буду всех непосредственных участников событий. Включая виртуальную девушку вашего подчиненного рядового Портного.

– Так вы и про нее знаете? – удивился Макарычев.

– Естественно! – Лев Феоктистович всплеснул руками, как будто пораженный наивностью сержанта. – Я же не просто так поболтать сюда забежал! У меня, господин сержант, работа такая – все про всех знать!

– А, так вы... – начал было Макарычев.

– Нет! – взмахнув рукой, перебил его Безбородко. – Я не тот, за кого вы меня принимаете! И на этом – все! – Еще один кавалеристский взмах рукой. – Не нужно больше строить догадки! Договорились?

– Конечно, – послушно кивнул Макарычев.

– Итак, Сергей... – Безбородко откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. – Вы позволите мне обращаться к вам по имени?

– Как вам будет угодно, – едва заметно улыбнулся сержант.

– Вчера ваш взвод получил приказ до прибытия ликвидаторов обеспечить оцепление информационной башни, обнаруженной в лесу егерем Колычевым. Для вас это было уже не первое задание подобного рода?

– Седьмое, – уточнил Макарычев.

– И прежде ничего необычного не случилось?

– Нет.

Макарычев мог бы ответить, что прежде вообще ничего не случилось. По прибытии на место сержант расставлял своих людей так, чтобы никто не мог подойти к башне незамеченным, после чего оставалось только курить, жевать галеты, травить анекдоты и ждать, когда ликвидаторы подъедут. Ликвидаторы заливали башню жидким азотом. Сверхнизкая температура по сей день оставалась единственным надежным средством, с помощью которого можно было вывести из строя уины. Если башня была большая, как последний раз, они предварительно обкладывали ее по периметру большими брикетами сухого льда. Клубы углекислого газа стелились по земле, доставая едва не до колен. Еще бы пиротехнику да лазерную светоустановку – и было бы точно, как на концерте «KISS». После того как башня рассыпалась, ликвидаторы собирали оставшуюся серую труху в герметично закупоривающиеся, плотные черные пластиковые мешки, еще раз обрабатывали перелопаченную площадь жидким азотом и отбывали восвояси. Тогда и Макарычев снимал оцепление, и взвод отправлялся в распоряжение части.

Сержант мог бы рассказать все это Безбородко. Но не стал. Он пока еще не понимал, что вообще хочет услышать от него Лев Феоктистович. А потому решил, что лучше всего точно и коротко отвечать на заданные вопросы.

– Почему же в этот раз вы нарушили приказ?

– Я не нарушал приказа.

– Разве? – прищурился, изображая недоверие, Безбородко.

– Мне было приказано выставить оцепление, и я сделал это. Мы должны были дожидаться ликвидаторов, и мы их дождались. О том, что в зоне оцепления будут расхаживать наспигованные нанороботами монстры, меня никто не предупреждал. Поэтому мне пришлось действовать по обстоятельствам.

– Вы могли доложить о случившемся командованию.

– Что именно? – обозначил усмешку Макарычев. – Что мы нашли возле башни маленькую девочку, которая напала на рядового Муратова, и поэтому нам пришлось ее пристрелить?

– Можно было начать с того, что это была вовсе не девочка.

– Девочка, которая не девочка? – Сержант медленно качнул головой из стороны в сторону. – Вы хорошо знаете нашего комбата?

– Нет. Я только сегодня с ним познакомился.

– А... Ну так имейте в виду, что это самый прямолинейный и рационально мыслящий человек на Земле, не наделенный даже каплей воображения. Если ему показать картину Кандинского, он, наверное, сойдет с ума. Именно поэтому, как командиру строевой части, ему нет равных. Но только в мирное время. Я битых три часа объяснял ему, что произошло возле башни. За это время мне пришлось написать два десятка объяснительных и рапортов, которые все были изорваны и отправлены в корзину. А рядовой Портной, пристреливший ту самую девчушку, три раза был отправлен на гауптвахту под обещание завтра же отдать его под трибунал и трижды возвращен назад со словами: «Ну, ладно, разберемся, может, все еще не так уж плохо».

Макарычев глубоко вздохнул и умолк.

Сорвался.

Наговорил лишнего.

Такого, что не следовало бы говорить даже хорошему знакомому. Тем более какому-то там Безбородко. С бородой. Льву Феоктистовичу.

Вот только как иначе объяснить, почему он начал действовать по собственному усмотрению, не доложив о случившемся командованию?

Как ни странно, на Безбородко развернутая реплика сержанта произвела самое благоприятное впечатление. Он весело заулыбался и оживленно заерзал на стуле. Казалось, вот-вот – и в ладоши хлопает.

– Вы замечательно излагаете, Сергей! – сказал Лев Феоктистович и тут же замахал руками. – Нет-нет! Я вовсе не ерничаю! Вы превосходно описали ситуацию!

В ответ Макарычев сделал скупой жест рукой – мол, ну ладно, будем считать, я рад, что вам понравилось.

– Ну, хорошо!

Лев Феоктистович пододвинул поближе лежавшую справа от него толстую синюю папку, аккуратно развязал тесемочки и стал перекладывать находившиеся в ней бумаги.

– А! Вот! – Безбородко выдернул из папки исписанный от руки листок, радостно посмотрел на Макарычева, взмахнул бумагой в воздухе и хлопнул ее на стол прямо перед изумленным сержантом. – Ваш рапорт?

– Мой, – не стал отрицать очевидное Макарычев.

– В нем вы пишете... – Лев Феоктистович прижал указательным пальцем нужную строчку. – «Рядовой Портной выстрелил сразу, как только девочка – скобка – монстр – скобка – попыталась атаковать рядового Муратова». Все верно?

Макарычев на всякий случай прочитал процитированную строку и, лишь убедившись, что Безбородко ни словом не соврал, кивнул.

– Да.

– Чудненько! – Лев Феокистович выдернул бумагу из-под руки сержанта и спрятал ее в папку. – В связи с этим у меня к вам вопрос. Что значит «попыталась атаковать»?

– То и значит, – недоумевающе развел руками Макарычев. – Из девчонки полезли щупальца.

– И вы решили, что это атака?

– А что еще это могло быть?

– Что, если попытка контакта?

– Не знаю, – вынужден был признаться Макарычев. – Может быть...

– То есть вы не уверены, что это было нападение?

– Нам всем, всем, кто это видел, показалось, что девчонка ведет себя агрессивно. Хотя...

Она не нападала, а пыталась защищаться.

– Защищаться?.. – Безбородко переплел руки на груди – Ну-ка, ну-ка, очень интересно.

– К тому моменту, когда девчонка выпустила щупальца, Муратов отвел ее довольно далеко от башни. Возможно, она почувствовала, что скоро пересечет границу информационного поля, а потому начала сопротивляться. Ведь, если я все правильно понимаю, созданные с помощью уинов нанореплики людей не могут существовать вне информационного поля.

– Верно, – кивнул Безбородко. – Вот только нанореплики знаменитостей, которых можно увидеть за кордоном, не наделены ни разумом, ни свободой воли. Любая из них, не задумываясь, переступила бы черту, отделяющую жизнь от смерти. И умерла бы, не понимая, что происходит, как только составляющие ее уины лишились бы организующего начала. Ваша же девочка принялась активно сопротивляться. Это все равно как если бы куклы из музея восковых фигур побежали на улицу, начнись в здании пожар.

Не зная, что сказать, сержант пожал плечами.

– Да, это странно...

– Более чем! – Лев Феокистович вскинул указательный палец и посмотрел на Макарычева, как жрец маяя на выбранную, наконец-то, жертву. – Выходит, Сергей, ваш солдат выстрелил, не раздумывая?

Макарычев почувствовал подвох. Безбородко определенно копал. Если не под самого сержанта, так, выходит, под Портного. Что ж, получается, ему стрелочник нужен? Тот, кто за все ответит?

– Если бы я успел, я и сам выстрелил бы.

– Seriously? – вроде как недоверчиво прищурился Лев Феокистович.

– Точно, – кивнул сержант и стиснул зубы.

– А почему?

– Потому что ясно было, перед нами не человек, а существо из иного мира. Значит – потенциальный враг.

Лев Феокистович поднял руку, приложил указательный палец к губам и очень внимательно, как-то совершенно по-новому посмотрел на сержанта.

– Хороший ответ.

– Да уж какой есть.

– Нет, в самом деле хороший.

Теперь уже сержант смотрел на Безбородко так, будто впервые увидел. Похоже, Лев Феокистович действительно был искренен.

– Теперь другой вопрос. Противник атаковал рядового Муратова. Но выстрелил в него Портной. Почему?

– Почему он выстрелил? – не понял вопроса Макарычев.

– Нет! – сделал отрицательный жест рукой Лев Феокистович. – Почему не выстрелил Муратов? У него ведь было оружие?

– Да, как и у всех.

– Так почему же, подвергшись нападению, он не стал стрелять?

Сержант ответил не сразу. Он сначала мысленно прокрутил заново всю ситуацию. Вот Муратов тащит упирающуюся девчонку к машине. Через локоть у него перекинута сложенное одеяло. Автомат висит на плече. Схватить его, передернуть затвор и нажать на курок – дело двух-трех секунд. Портной стоит чуть в стороне. Его автомат тоже на плече. Правая рука согнута в локте, большой палец засунут под ремень. Рядом с ним Тарья. Они оба смотрят, как Муратов сражается с упрямой девчонкой. Вот сам он, сержант Макарычев, наклоняется, чтобы прикурить от зажигалки, что держит в руке Олег Степук. Но, не успев затянуться, он услышал выстрел... Нет, сначала что-то коротко и тревожно крикнула Тарья. Он начал поворачиваться, чтобы глянуть, что там случилось. И в этот момент грохнул выстрел. Он успел увидеть, как падает девочка, тело которой оплетено тонкими, блестящими, извивающимися щупальцами. И как в страхе пятится от нее рядовой Муратов... Одеяло он уронил на землю... Но при этом даже не попытался сдернуть автомат с плеча. Почему?... Прежде Макарычев не задавал себе этот вопрос. И Муратова не спрашивал. Наверное, потому что ответ казался ему очевидным. И прежде, и теперь.

– А вы бы не растерялись, если бы у вас на глазах маленькая девочка превратилась в чудовище? – спросил он у Безбородко.

– Речь не обо мне.

– И все же?

– Честно?

– Хотелось бы.

– Не знаю. Ситуация действительно необычная, – Лев Феокистович развел руки в стороны. Он посмотрел сначала на правую ладонь, как будто это была та самая уиновая девочка, о которой шел разговор, потом на левую, как будто это был он сам. – В высшей степени необычная, – сказал он, переведя взгляд на Макарычева.

– Вот и я о том же, – кивнул тот.

– Но, посудите сами, Сергей, – Безбородко сначала свел ладони вместе, затем положил перед собой на стол. – Муратов не смог выстрелить в девочку, хотя от этого, быть может, зависела его жизнь. А вот Портной сделал это, не раздумывая, едва почувствовав угрозу.

– Вы хотите, чтобы я объяснил ситуацию? – спросил Макарычев.

– Если можете.

– Муратов видел перед собой девочку. И не смог быстро переключиться, когда она превратилась в чудище. Портной же с самого начала почувствовал что-то неладное.

– Что именно?

– Каким образом маленькая девочка оказалась одна в глухом лесу? Если бы она заблудилась, мы бы уже получили сообщение об исчезновении ребенка и вся часть прочесывала бы лес. К тому же Портной обратил внимание на ее босые ноги. Она шла так, будто не чувствовала сосновых иголок, которые должны были колоть ей пятки.

– То есть вы хотите сказать, что Портной с самого начала видел в девочке врага?

– Потенциального врага, – уточнил сержант.

– Интересно! – Лев Феокистович откинулся на спинку стула. Одну руку он положил себе на плечо, другой обхватил подбородок. – Чрезвычайно интересно!

– А можно мне вас спросить? – осторожно поинтересовался сержант.

– Да, пожалуйста! – сделал широкий приглашающий жест рукой Безбородко.

– Вам известно, что представляла собой та девочка, возле башни?

– Почему вас это интересует?

– Подобная ситуация может повториться. И я хочу быть уверен, что поступил правильно.

– А вы сомневаетесь?

– Не сомневался до этого разговора.

– Ага, – Лев Феоктистович снова положил ладони на стол. – Ну, что ж, господин сержант, могу с уверенностью сказать, что вы поступили совершенно правильно. Девочка, которую вы встретили возле башни, была не живым существом. В том смысле слова, как мы его понимаем. Хотя по своей биологической природе она была почти идентична человеку. Разница заключалась лишь в том, что все жизненные функции ее организма выполняли универсальные информационные носители. Благодаря уинам она не испытывала потребности в еде и воде, хотя могла имитировать процесс потребления пищи. Легкие ее функционировали, как у обычного человека, но в случае необходимости она могла бы сколь угодно долго оставаться под водой. Любые повреждения тканей восстанавливались уинами почти мгновенно. Даже выстрел вашего солдата, разнесший ей голову, был не смертелен, поскольку функции, осуществляемые у человека головным мозгом, были перераспределены между заполнявшими организм девочки уинами. То, что уины не стали бороться за жизнь созданного ими существа, объясняется, по всей видимости, тем, что, как вы верно заметили, все происходило на самом краю накрывавшего башню информационного поля. Еще три-четыре шага в сторону от башни – и существо в любом случае погибло бы. Предвосхищая ваши дальнейшие вопросы, хочу сказать: первое – мы понятия не имеем, для чего башня создала это существо. Второе – мы в своей практике впервые сталкиваемся с подобным. Никогда прежде нам не попадались башни, создающие копии живых существ. Быть может, все дело в том, что у нас в стране информационные башни и все хоть как-то связанные с ними нанотехнологии объявлены вне закона. Вдоль границы выставлен санитарный кордон, предотвращающий прямое проникновение башен на нашу территорию. А те, что прорастают из спор (пути их проникновения на нашу территорию – тема для отдельного разговора), довольно быстро обнаруживаются и оперативно уничтожаются. Видимо, нам просто не попадались башни, достаточно большие, созревшие, чтобы начать плодоносить.

– А за кордоном?

– Нам мало что известно о том, что происходит в других странах. Закордонные специалисты уверены, что информационные башни – это чудесный дар жителям Земли, а мы полные идиоты, поскольку не хотим им воспользоваться. Они готовы предоставить нам любую информацию, но специалистов наших к своим башням близко не подпускают. У нас на сей счет особое мнение. Из-за которого всех нас за кордоном считают ретроградами и параноиками. Хотя... – Лев Феоктистович постучал пальцами по столу. Плотное зеленое сукно скрадывало звуки ударов. Безбородко смотрел не на собеседника, а на свои суetyающиеся пальцы. Складывалось впечатление, что он сомневается, стоит ли продолжать разговор на начатую тему. Но впечатление это было обманчивым. Лев Феоктистович всего лишь разминал суставы пальцев, которые у него, случалось, ныли. – Нашим коллегам, работающим за кордоном, не раз доводилось сталкиваться с людьми без прошлого, – он бросил взгляд на Макарычева. – Понимаете? Живет себе вполне обычный на первый взгляд человек. Жена или муж. Дети. Однако все попытки разузнать что-либо о его прошлом заканчиваются неудачей. Складывается впечатление, что в какой-то момент он просто появился из ниоткуда... Мы, понятное дело, догадывались, что тут не обошлось без информационных башен и уинов. Однако были уверены, что созданием рипов – так мы называем суррогатных людей, – занимаются все-таки люди. Реальные. Зачем, почему – это уже другие вопросы. То, что нам стало известно благодаря вам, господин сержант, заставляет совершенно по-новому взглянуть на ситуацию. Если раньше мы лишь предполагали, что появление информационных башен может оказаться началом вторжения на Землю, то теперь...

Лев Феоктистович оставил фразу незаконченной. Из-за чего она стала казаться еще более зловещей.

– Вторжение? – тихо повторил Макарычев. – Как в кино?

– Нет, – улыбнувшись, покачал головой Безбородко – Как в жизни.

– Почему тогда об этом никто не говорит?

– Разве? – недоумевающе вскинул брови Лев Феокистович. – А о чем же мы тогда сейчас с вами разговариваем?

– Я имел в виду не это. Почему об угрозе вторжения не говорят на правительственном, на государственном уровне? Почему молчат СМИ? Я даже в Интернете ничего об этом не читал. Хотя тема информационных нанотехнологий там обсуждается активно.

– О, друг мой! О былых заслугах Интернета в области оперативного распространения достоверной информации можете забыть. Сеть давно уже находится под контролем уинов. Любой мало-мальски мощный сервер генерирует информационное поле. Недостаточно сильное для того, чтобы вокруг него начали расти информационные башни, но уины чувствуют себя в нем вполне вольготно. Не могу сказать, насколько эффективно они фильтруют и корректируют проходящую через сервер информацию, но в том, что процесс этот идет, нет никаких сомнений.

– А почему молчит власть?

– Власть – это особая песня, – Безбородко усмехнулся так, будто вспомнил бородатый, всем отлично известный, но все равно очень смешной анекдот. – И еще одна тема для отдельного разговора, – добавил он чуть более серьезно. – В двух словах: очень непросто убедить человека в том, что то, что лично ему кажется благом, на самом деле может представлять угрозу для всего человечества. Вот вы, к примеру, господин сержант, хотели бы иметь собственную машину?

– Нет, – уверенно отказался от щедрого предложения Макарычев.

– Seriously? – удивился Безбородко. – Я думал, все мечтают о машине.

– Я не умею водить.

– Так можно научиться.

– Не хочу.

– Ну, ладно, а что бы вы хотели?

– Просто так? Задаром?

– Ну... – Лев Феокистович чуть поморщился и покрутил кистью руки. – Почти.

– Хорошую акустическую систему «пять-один».

– Ну, так вот, представьте, что для того, чтобы получить эту самую акустическую систему, вам достаточно щелкнуть пальцами.

– И все? – недоверчиво прищурился Макарычев.

– Еще вам необходимо иметь определенное число универсальных информационных носителей, которые за кордоном используются в качестве общепризнанной валюты. Уже и у нас открылись обменные пункты. Двенадцать уинов за рубль. Уины циркулируют у человека в крови, плавают в цитоплазме клеток, а когда нужно за что-то расплатиться, они изымаются через особый дозатор. В виде перстня, – Лев Феокистович почему-то показал сержанту средний палец, на котором никакого кольца не было. – Процедура чрезвычайно проста и совершенно безболезненна.

– И все? – снова спросил Макарычев.

– Ну, да, – уверенно кивнул Безбородко. – После этого предмет вашей мечты материализуется буквально из воздуха, и вы можете свободно им пользоваться. В зоне единого информационного пространства, разумеется. Вам бы хотелось воспользоваться такой возможностью?

– А в чем подвох? – подумав, спросил Макарычев.

Безбородко чуть подался вперед, положил локоть на стол и понизил голос до доверительного полупшепота.

– В том, что никто не имеет понятия, как все это работает. Представьте себе ситуацию – информационное поле исчезло.

Макарычев представил. Усмехнулся.

– Здорово. Закордонники останутся с голым задом.

– Вот именно, – кивнул Лев Феокистович. – Голые, голодные и злые. И что они сделают?

– Ломанутся к нам.

– Точно! – хлопнул ладонью по столу Безбородко. – Потому что Россия осталась единственной страной, не присоединившейся к единому информационному пространству.

– Еще Ватикан, – напомнил Макарычев.

– Официально Ватикан отказался присоединяться к единому информационному пространству, но вокруг него так много информационных башен, что практически вся территория оплота католицизма покрыта информационным полем. Люди, живущие в едином информационном пространстве, чувствуют себя добрыми волшебниками, способными создать все, что угодно, одним мановением руки. И наши, глядя на них, тоже хотят так жить. В самом деле! – Безбородко откинулся на спинку стула и широко развел руки в стороны. – Чем мы хуже?

– Я не понял, – покачал головой сержант. – Вы меня агитируете за информационные башни или против них?

– Я вас не агитирую, дружище, – улыбнулся Безбородко. – Я пытаюсь вас понять.

– А-а... – медленно кивнул сержант.

Безбородко в ответ только подмигнул ему. Но ничего не сказал.

В кабинете командира части воцарилась тишина. Луч света, продравшись сквозь щель в закрывающих окна темно-фиолетовых портьерах, упал на портрет президента. И сержанту Макарычеву показалось, что и президент подмигнул ему. Странно. Что президенту-то от него нужно? Чтобы грядущие выборы не проспал? Не проспит – дневальный разбудит.

– Давайте вернемся к тому, что случилось вчера, – напомнил о своем присутствии Безбородко.

Сержант жестом дал понять, что ничего не имеет против.

– Так, значит, узнав о том, что ликвидаторы задерживаются, вы решили самостоятельно исследовать башню?

– Нет, – едва заметно улыбнулся Макарычев. – Узнав, что ликвидаторы где-то капитально застряли, я решил выяснить, каким образом девочка выбралась из башни. Потому что откуда ей еще было взяться?

– Логично, – согласился Лев Феокистович.

Глава 3

Сержант Макарычев подошел к башне и осторожно, будто боясь испачкаться, а то и заразу какую подцепить, коснулся ее кончиками пальцев. Поверхность башни оказалась идеально ровной и чуть теплой на ощупь. Ну, то, что теплая, неудивительно – могла на солнце нагреться. Станным казалось то, что абсолютно ровная поверхность выглядела так, будто была собрана из мириад крошечных шариков. Оптический, понимаешь, обман. Причем слово «обман» – ключевое.

Макарычев похлопал по башне ладонью. Щелкнул ногтем. Необычное покрытие будто проглатывало звуки.

– Может, садануть чем, – уже в который раз предложил Стецук.

– Садани, – не стал возражать Макарычев.

– О, я сейчас!

Стецук довольно улыбнулся – ему давно уже хотелось как следует стукнуть по башне – и побежал к машине за инструментами.

К тому времени, когда он вернулся, сержант обошел башню вокруг. Поверхность везде была совершенно однородной. Ну, или, по крайней мере, казалась такой. И как, спрашивается, к эдакому подступиться?

– Не поможет, – покачала головой Тарья, когда Стецук обеими руками взялся за рукоятку тяжелой кувалды.

– А мы поглядим, – ефрейтор закинул кувалду на плечо.

– Зачем Герасим с собой эту дуру возит? – спросил Портной.

Имея в виду, понятное дело, кувалду.

– Так, на всякий случай... Он у нас вообще парень запасливый.

Стецук широко размахнулся и, тяжело охнув, саданул-таки кувалдой по башне.

В том месте, куда пришелся удар, образовалась вмятина. Приличная такая вмятина, размером с кулак и сантиметра два глубиной. Но, прежде чем ефрейтор успел в другой раз поднять кувалду, вмятина затянулась. Как будто и не было ее.

– Вот же зараза!

Стецук еще раз, уже с досадой, ударил кувалдой по башне.

Результат оказался тот же.

– Ну, ладно!

Ефрейтор не собирался так просто сдаваться. Он взялся за топор.

С топором дело пошло веселее. Широкое лезвие легко входило в кажущийся податливым материал, столь же легко выходило, а махать топором все ж не так утомительно, как кувалдой. Да и опыт в этом деле у Стецука какой-никакой, а имелся.

За десять минут ефрейтор прорубил щель, в которую могла войти ладонь. Но, стоило только ему остановиться, чтобы перекурить, как щель на глазах стала затягиваться.

– Ах ты, падаль смердящая!..

Стецук снова ухватился за топориче, явно намереваясь доказать превосходство тупой силы над изощренным разумом.

– Хватит, – махнул рукой Макарычев. – Оставь!

Он едва не силой вырвал топор из рук будто взбеленившегося ефрейтора.

– Нужно действовать иначе, – сказала Тарья.

Девушка стояла, сложив руки на груди, и смотрела на ефрейтора с насмешкой – Стецук забавлял ее.

– Как? – спросил Портной.

– Я знаю! – Стецук дернул с плеча автомат.

- Только попробуй! – пригрозил ему сержант.
- За патроны сам отчитаюсь!
- А я тебе ща сам по лбу дам!

Недовольно что-то ворча себе под нос, ефрейтор повесил автомат на плечо и полез в карман за сигаретами.

Словно примеряясь, сержант похлопал по башне ладонью и, запрокинув голову, посмотрел на распарывающий голубизну неба шпиль.

– Башня состоит из намертво вцепившихся друг в друга нанороботов, – задумчиво произнес он.

– Ну, можно и так сказать, – подумав, согласилась Тарья. – Хотя обычно их называют уинами.

- У людей за кордоном уины живут в организме.
- Вряд ли правомерно говорить «живут», когда речь идет о небиологических объектах.
- Как же тогда говорить? – покосился на виртуальную девушку сержант. – Существуют?
- Скажи просто – «находятся», – предложила Тарья. – Это своего рода симбиоз.
- Находятся, живут – какая разница, – недовольно поморщился Макарычев. – Главное –

они имеют сродство с человеческим организмом.

- Несомненно, – согласилась Тарья.
- Девчонка была под завязку набита уинами.
- И что с того? – непонимающе пожал плечами Стецук.

Тарья, похоже, тоже не понимала, к чему клонит Макарычев. Однако в отличие от ефрейтора она не собиралась вот так просто в этом признаваться.

– У башни должна быть система опознания «свой-чужой»... – Макарычев попытался ковырнуть покрытие башни ногтем, но у него ничего не вышло – ноготь просто скользнул по гладкой, как отполированной, поверхности. – Которую мы и должны обмануть.

– То есть ты хочешь, чтобы башня сама открыла перед тобой дверь? – уточнил на всякий случай Стецук.

– Точно, – кивнул Макарычев. – Сам посуди. Уины воспринимают человеческое тело как естественную для себя среду обитания. Они умеют создавать копии, практически неотличимые от живых людей. Значит, по идее, любого из нас они могут принять за своего.

– У нас внутри нет уинов, – заметил Стецук.

– Думаю, это не существенно, – возразила Тарья. – Возле башни напряжение информационного поля должно быть достаточно велико для того, чтобы скрыть информационные лакуны, которые мы собой представляем.

– А оно, это поле, – двумя сложенными вместе пальцами ефрейтор Стецук постучал себя по виску, – для мозгов не вредно?

– Для твоих – нет, – усмехнулся сержант.

– Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо длительное наблюдение за большой группой подопытных, регулярно подвергающихся воздействию информационного поля, – более развернуто ответила на вопрос ефрейтора Тарья.

– Спасибо, энциклопедичная ты наша, – недовольно буркнул в ответ Стецук. – Я вот тоже сейчас подвергаюсь...

Ефрейтор вытряхнул из пачки сигарету и зажал ее зубами.

– А ведь верно! – молчавший все это время Портной едва не хлопнул в ладоши, когда понял, что нашел ответ на главный вопрос. Ну, или, во всяком случае, подошел очень близко к решению. – Мозг! Наш мозг! – Сложив два пальца, указательный и средний, боец сначала показал их сержанту, а затем повторил жест ефрейтора – постучал себя по виску. – Вот что отличает нас от нанореплик. У созданных башней кукол функции мозга выполняют заполнившие весь их организм уины! Поскольку они всего лишь полифункциональные нанороботы, информаци-

онное поле необходимо им для постоянного обмена информацией с башней. Именно поэтому они погибают, оказавшись вне зоны покрытия информационного поля. Значит, для того чтобы обмануть систему башни «свой-чужой», нужно только отключить мозг!

Стецук ухватил за рукоятку стоявшую у основания башни кувалду и легонько качнул ею из стороны в сторону.

– Тебе прямо сейчас отключить?

Портной обиженно нахмурился.

– Дурак ты, ефрейтор, – Макарычев плюнул под ноги и растер плевков сапогом. – Парень дело говорит.

– Да ну? – с деланным удивлением округлил глаза Стецук. – Мозги, сержант, это тебе не торшер, чтобы по желанию включать и выключать. Чтобы выключить мозги, существует только один способ. Надежный, проверенный веками, – ефрейтор хохотнул и чуть сильнее качнул кувалду.

– Достаточно всего лишь ни о чем не думать, – вставил Портной.

– А я так не умею, – Стецук дернул головой из стороны в сторону. – У меня все время какие-нибудь мысли в голове крутятся.

– А голосов чужих не слышишь? – с серьезным видом поинтересовалась Тарья.

– Нет, – так же серьезно ответил Стецук. – Хотя, честно говоря, я особенно-то и не прислушиваюсь.

– Я могу попробовать, – предложил Портной.

– Что именно? – не понял сержант.

– Могу попытаться убедить башню в том, что я свой... Ну, в смысле, нанокопия.

– И она пустит тебя внутрь?

– Не знаю, – пожал плечами солдат. – Но если нет других вариантов...

Других вариантов не было. Если не считать того, что предложил Стецук – облить башню бензином, поджечь, а потом всем разом помочиться на нее, чтобы от перепада температур покрытие треснуло. Выслушав предложение ефрейтора, Макарычев снисходительно похлопал его по плечу – ничего, мол, всякое бывает, – и они вместе отошли в сторону.

Оставшись один, Портной плотно прижал ладони к поверхности башни, закрыл глаза и прислушался к собственным ощущениям. Шестое чувство не открылось. Интуиция тоже молчала. Грустно вздохнув, Портной с боков прикрыл ладонями глаза от солнца и подался вперед, так, что едва не коснулся носом серебристой поверхности. Напрягая зрение, он пытался хоть что-то рассмотреть в глубине странной зеркальной глади, не отражающей ничего, даже солнечных лучей.

– Молится он там, что ли? – шепотом спросил у Макарычева Стецук.

Сержант молча пожал плечами.

Портной еще раз вздохнул, более протяжно, и сделал шаг назад.

Михаил любил читать умные книжки, хотя и далеко не все в них понимал, поэтому он был уверен, что сама по себе идея с молчащим мозгом совсем неплоха. Вот только никогда прежде ему не приходилось заниматься ничем подобным. Поэтому и рассчитывать он мог только на удачу или счастливый случай. Зачем он вообще за это взялся? Трудно сказать. Порой люди совершают очень странные, абсолютно необдуманные поступки. Особенно когда хотят произвести на кого-то впечатление.

Но, сказавши «А», нужно говорить и «Б». Портной сел на устилающие землю сухие сосновые иголки. Положил автомат справа от себя. Скрестил ноги. Ладонями погладил колени. Возникшая позади него Тарья положила руки солдату на плечи. Поверх черных погон. И – замерла. Будто жена Лота, уставившаяся туда, куда ей не полагалось смотреть.

– Она тебе никого не напоминает? – тихо спросил у сержанта ефрейтор.

– Тарья?

– Ага.

– Да вроде... нет.

– А я вот все голову ломаю, где я ее мог видеть?

– Так спроси у Портного.

– Не, – качнул головой ефрейтор. – Так будет неправильно. Не по-спортивному. Я должен сам вспомнить.

Макарычев искоса глянул на ефрейтора и усмехнулся.

– Что? – удивился тот.

– Вот потому-то ты и не можешь свой мозг отключить, что он у тебя захламлен черт знает чем.

– Ну и пусть, – дернул плечом Стецук. И с вызовом вскинул маленький, с умильной детской ямочкой подбородок. – А мне так нравится!

Он достал пачку сигарет и протянул Макарычеву. Сержант сделал отрицательный жест рукой. Стецук закурил, выпустил вверх тонкую струйку дыма и посмотрел на спину Портного, все так же неподвижно сидящего в шаге от башни.

– И сколько мы будем ждать?

– Ты куда-то торопишься?

– Нет. Но идея с бензином все же кажется мне...

Стецук не успел до конца развить оригинальную мысль.

По зеркальной поверхности башни словно легкая рябь пробежала. Как будто воздух над раскаленными углями колыхнулся. И точно напротив того места, где сидел Портной.

Так продолжалось секунд сорок. Затем на стене башни явственно проступила полукруглая вмятина, начинающаяся от земли и поднимающаяся на полтора метра вверх, как будто ефрейтор Стецук долго и упорно колотил здесь по стенке кувалдой.

– Ну, ни фиги себе! – удивленно произнес Стецук и, наклонившись назад, оперся на рукоятку кувалды, которую зачем-то прихватил с собой. – Я думал, у Михи ничего не выйдет!

– Головой нужно работать, ефрейтор, – усмехнулся Макарычев. – Головой!

Наблюдая за изменениями, происходящими с внешним покрытием башни, Портной никак не мог отделаться от чувства, что он не имеет к этому никакого отношения. Он всего лишь сидел на земле, добросовестно буравил взглядом серебристую поверхность и старался ни о чем не думать. Еще он пытался мысленно окружать себя бледно-голубой с зеленоватыми разводами сферой умиротворенности и покоя – так советовал автор брошюры по аутотренингу, которую Михаил недавно читал. Получалось у него это или нет, сам Портной не понимал. Вернее, ему казалось, что получается. Но это было глубоко субъективное мнение, зиждящееся на подспудном стремлении самоутвердиться. Об этом он смутно догадывался. Тарья молчала. Хотя Портной ощущал ее присутствие за спиной. Должно быть, она не хотела ему мешать. Да и что она, собственно, могла сказать?

Тем временем полукруглое углубление на поверхности башни сделалось более выраженным.

Выше стропила, плотники...

На его месте вполне могла находиться дверь, через которую жокей прошел бы, не пригибаясь.

Выше стропила, плотники, входит муж, Ахиллему подобный...

Портной вовремя поймал выскользнувший из подсознания обрывок стихотворения, смял его в комок и забросил назад. Получилось удачно. Портной даже забыл, чьи это стихи и когда он успел их запомнить.

Но еще быстрее, чем он успел это сделать, проход в башню открылся. Участок стены, намеченный образовавшимся углублением, исчез, будто распался на атомы под воздействием неведомой силы. Пригнув голову, из прохода вышел мужчина. Не Ахиллес, конечно, но голу-

боглазый блондин вполне атлетического телосложения. Каждая мышца его тела была настолько четко прорисована, будто ее сотворил резец гениального скульптора. Это было бы заметно, даже если бы блондин был одет в облегающий спортивный костюм. Ну а поскольку он был совершенно голый, можно было по достоинству оценить все его размеры и формы.

Выйдя из башни, блондин остановился и посмотрел на Портного пустым, абсолютно ничего не выражающим взглядом. Глаза его были похожи на цветные камешки, что некогда вставляли на место глаз в похоронные маски индейцы майя.

– Здорóво, – произнес негромко Портной, поднимаясь на ноги.

Он не ждал ответа – но нужно было как-то замять неловкую паузу. А, встав, Портной, долго не раздумывая, с размаху засадил блондинистому культуристу прикладом в живот. Хотел было ниже, да в последний момент передумал – неспортивно как-то. Блондин поступил так, как и полагается нормальному человеку в подобной ситуации, – стиснул зубы, обхватил живот руками и согнулся в поясе пополам. Вот только не издал при этом ни звука. Ну, а Портной, на всякий случай, дал ему еще прикладом по затылку. Блондин упал на колени, ткнулся лбом в землю. Но тут же стал подниматься.

Вот так уже нормальные люди не поступают.

Обойдя культуриста, Портной занял место в полукруглом проходе и передернул затвор автомата. Ему почему-то даже не пришло в голову приказать блондину лечь. Он просто решил, что, как только этот нудист встанет в полный рост, он выстрелит ему в спину. Между лопаток. Так, чтобы позвонки вдрызг.

С боевым кличем, а может быть, воплем, но все равно очень воодушевленным, из кустов вылетел Стецук. Он бежал, раскручивая над головой кувалду, да так быстро, что Макарычев не мог за ним угнаться. Подбежав к блондину, ефрейтор со всего размаха саданул ему кувалдой в грудь. Блондин отлетел к башне и распластался по серебристой стенке, раскинув в стороны руки. Второй удар кувалды в висок опрокинул его на землю.

– Хватит! – подбежавший сержант схватил Стецука за руку, когда тот уже заносил «оружие», чтобы превратить голову чужака в блин.

Тяжело выдохнув, ефрейтор опустил кувалду.

Блондин лежал, уткнувшись лицом в сухие иголки. Совсем как мертвец. Но что-то в нем, в положении его тела по-прежнему настораживало Портного. Быть может, то, что мышцы на теле культуриста, как и прежде, рельефно вырисовывались? Или то, что на нем не было даже капли крови? Хотя ежели тебе по башке со всей дури врежут кувалдой...

– Вам чего здесь нужно? – недовольно прикрикнул сержант на солдат, покинувших свои посты в оцеплении ради того, чтобы посмотреть, чего это так разорался Стецук. – А ну, по местам!

Здоровенный голый мужик, над которым с кувалдой в руках стоит ефрейтор, – зрелище то еще! Понятное дело, бойцам хотелось получить какие-то объяснения. Однако сержант явно не имел намерения комментировать происходящее, поэтому бойцы медленно, неохотно начали расходиться по постам.

– Ты маньяк, Стецук, – беззлобно выговорил ефрейтору Макарычев.

– Я? – обиженно ткнул себя пальцем в грудь Стецук. – Да я – искоренитель нечисти!

– Дай сигарету, Ван Хелсинг, – щелкнул пальцами сержант.

Стецук протянул сержанту пачку.

– Чо делать-то с ним будем? – кивнул он на блондина.

Сержант выпустил тонкую струйку дыма и задумчиво посмотрел на разлегшегося на земле чужака.

– А он ведь не сдулся, как девчонка.

– Потому что он находится в зоне информационного поля, – ответила ему Тарья. – Следовательно – все еще жив.

И, словно в ответ на ее слова, блондин неожиданно быстро оперся руками о землю, поднялся на корточки и упруго отпрыгнул к стене.

– А ну, стой, зараза! – ткнул в чужака стволом автомата сержант.

Блондин сидел на корточках и настороженно смотрел на окруживших его людей.

– По-моему, он не понимает, – сказал Портной.

– Вот ща дам кувалдой-то по башке, враз все поймет, – Стецук подкинул кувалду в руках.

– Его невозможно убить иначе как вытащив за пределы информационного поля? – спросил у Тарьи сержант.

– Не знаю, – девушка едва заметно улыбнулась. – Мне не приходилось заниматься этим прежде.

– Ну, все когда-нибудь приходится делать в первый раз.

Стецук вроде как с сочувствием даже посмотрел на испуганно вжавшегося в стену башни блондина и, кинув кувалду на плечо, принял боевую стойку.

– А боль он чувствует?

– Он вообще-то похож на полного идиота, который ничего не понимает и ничего не чувствует.

– Странно, девочка-то казалась вполне нормальной.

– Только не разговаривала.

– А, может, дадим ему еще раз по башке, свяжем и оттащим туда, где из девчонки черви полезли? – предложил самое простое и разумное, на его взгляд, решение Стецук.

Сержант в задумчивости почесал висок пальцем. В принципе, предложение Стецука было не лишено смысла. Черт его знает, на что способен этот голый здоровяк?..

– Нельзя, – Портной указал на проход у себя за спиной.

– Думаешь, проход все еще открыт, потому что он здесь? – кивнул на нудиста Макарычев.

– Может быть, да, может быть, нет, – Портной пожал плечами. – Я не знаю. Но мне кажется, лучше пока все оставить как есть.

– Муратов! – рявкнул во всю глотку сержант. И еще, на всякий случай, свистнул в два пальца. – Тащи сюда два фонаря! – махнул он рукой появившемуся в просвете между деревьями солдату. – Большие, те, что на ремнях! Живо!

– Ты чо, серьезно собираешься туда лезть? – взглядом указал на темный проход Стецук.

– Ага, – коротко кивнул Макарычев. – Портной, пойдешь со мной.

Решив, что это вопрос, а не приказ, рядовой тут же согласился.

– Пойду!

– А чего ты так радуешься? – недовольно посмотрел на бойца ефрейтор.

– Да так, – смутился парень. – Интересно...

– Интересно ему, – усмехнулся Стецук. И перевел взгляд на нудиста. – А тебе как, интересно, дурилка картонная?

Глядя ефрейтору в глаза, блондин медленно поднял левую руку и припечатал ладонь ко лбу. Будто комара прихлопнул.

– Чего это он? – непонимающе сдвинул брови Стецук.

– Пытается наладить контакт, – ответил Макарычев.

Забрав у мухой обернувшегося Муратова два больших аккумуляторных фонаря в пластиковых водонепроницаемых корпусах, сержант один кинул Портному, другой повесил себе на шею.

– Тебе б все шутки шутить, – недовольно скривился Стецук. – А что мне с этим уродом делать?

– Попробуй научить его говорить, – предложила Тарья. Поймав осуждающий взгляд ефрейтора, она добавила: – Я серьезно. Странно, что нанореплики не могут разговаривать.

– Может, им не о чем с нами говорить? – предположил Портной.

– Как это? – не понял Стецук.

– Ну... Нет общего предмета для обсуждения.

– Ща я найду ему предмет, – посмотрев на культуриста, многообещающе осклабился ефрейтор. – А то вылез, понимаешь, тут голый...

– Вот только не увлекайся, Стецук! – пригрозил Макарычев. – А то останемся мы с Портным, по твоей милости, в башне.

– Слушай, Серег, а что, если правда дверь закроется? – с опаской посмотрел на темный проход ефрейтор. – Может, не в этом голом дураке дело-то?

– Может, и не в нем, – поправил на плече ремень автомата Макарычев. – Тогда скажешь ликвидаторам, чтобы не особо усердствовали, когда башню сносить станут... Пошли, Портной!

Сержант щелкнул выключателем фонариков и, пригнув голову, заглянул в ведущий в недра башни проход.

Сначала он ничего не увидел. Луч фонарика будто скользил по поверхности темной, густой, маслянистой жидкости, частично отражаясь от нее, частично растворяясь в глубине.

– Это столб, – тихо произнес рядом с ним Портной.

– Что? – не понял Макарычев. – Какой еще столб?

– Центральный.

Портной посветил фонариком в сторону. Отмерив небольшой участок пустоты, луч лег на матово-серебристую, будто рифленую стену. В центре полой башни, пронзая ее насквозь, от основания до самой верхней точки, возвышался столб. Черный, будто вырезанный из тщательно и умело отшлифованного камня. В том месте, где был открыт проход, столб имел примерно два обхвата в толщину. По всей видимости, он являлся главной несущей опорой конструкции башни. Дополнял ее широкий пандус, закручивающийся спиралью вокруг центрального столба. Сглаженные углы, округлые поверхности и покатый пол рождали удивительную иллюзию – будто ты оказался внутри раковины. Ну а поскольку трудно было вообразить столь огромную раковину, казалось, что ты сделался неожиданно маленьким.

– Я думал, здесь будет интереснее, – произнес разочарованно Портной. Эффект нахождения внутри раковины не произвел на него впечатления. – А может быть, страньше... Какие-нибудь приборы, оборудование...

– Башня сама по себе является таким большим, странным прибором, – вскинула руки Тарья. – И мы даже представить себе не можем, на что способен этот прибор.

Держа в одной руке фонарь, другой придерживая автомат за рукоятку, сержант Макарычев начал медленно спускаться вниз.

– А почему мы идем вниз, а не вверх? – поинтересовался Портной.

– Не знаю, – честно признался сержант.

– Все верно, – пришла ему на помощь Тарья. – Башня растет от основания вверх. А не наоборот.

– Ну и что? – не понял Портной.

– Самые старые ее конструкции находятся внизу.

– Ну и что? – повторил свой вопрос Портной.

– Мы что ищем? – недовольно посмотрела на него Тарья.

– Не знаю, – пожал плечами солдат.

– Сержант?..

– Да ничего мы не ищем, – ответил Макарычев. – Просто так заглянули. В смысле, посмотреть, что тут к чему.

– Вот! – Тарья подняла палец с таким видом, будто сержант сказал именно то, что она ожидала услышать. – А осмотр нужно начинать откуда?

– Откуда? – спросил Портной.

– С начала экспозиции, – тяжело вздохнула девушка.

– Как глубоко вниз мы уже спустились? – непонятно кому задал вопрос Макарычев.
– Метров на пять? – предположил Портной.

Тарья насмешливо фыркнула.

– Можно точно посчитать, если знаешь глубину одного витка.

– А ты знаешь?

– Знаю.

– И сколько же?

– Восемь с небольшим.

– Я почти угадал.

– Угадал? Да ты ошибся почти на восемьдесят процентов!

– Не о том речь! – положил конец их спору Макарычев. – Других башен поблизости нет.

Верно? Значит, эта выросла из споры.

– Конечно, – не стала спорить Тарья.

– Каким образом спора могла оказаться на более чем десятиметровой глубине?

– Могу с ходу предложить пару-тройку вариантов ответа на этот вопрос. Но сразу предупреждаю: все они довольно глупые. Какой смысл зарывать спору, если достаточно просто бросить ее на землю? Найти ее все равно невозможно, пока она не пойдет в рост.

– Вот именно! – щелкнул пальцами Макарычев. – Выходит, башня росла в двух направлениях, – сержант направил луч фонарика сначала вверх, затем вниз. – Одновременно.

– Значит, в землю она уходит так же глубоко, как и в небо? – Портной представил себе такую картину – гигантская игла, пронзающая Землю, – и ему сделалось несколько не по себе. – И мы что, до самого низа будем спускаться?

– Не дрейфь, Миха, – усмехнулся Макарычев. – Мне и самому страшно.

– Тогда, может, вернемся? – первой проявила благоразумие Тарья.

– Я разве сказал, что мне неинтересно?

– Мы ничего здесь не найдем, – покачал головой Портной. – Ничего... Это все равно что, оказавшись внутри гигантского транзистора, пытаться понять, как он работает.

– Хорошее сравнение, – одобрительно хмыкнул сержант. – Сам придумал?

– Ага.

Луч фонарика, что держал в руке Портной, лениво и безучастно скользивший по кажушейся чуть шероховатой – только кажушейся! – а на самом деле гладкой, как стекло, стенке, неожиданно провалился в темноту.

– Вот оно!

Пудобнее перехватив автомат, Макарычев осторожно приблизился к небольшому округлому проходу, прорезающему стену башни. Чтобы заглянуть в него, сержанту пришлось присесть на корточки. Луч фонарика скользнул по гладким стенам и растворился в темноте. Проход имел идеально круглое сечение. Чтобы забраться в него, нужно было встать на четвереньки.

– Нам туда не надо, – уверенно тряхнула головой Тарья.

– Откуда ты знаешь?

Макарычев сунул руку в проход и провел ладонью по стене. Холодно, гладко и сухо.

– Я так полагаю, что это ус.

– Ус? Какой еще ус?

– Башни размножаются при помощи спор или усов. Как клубника. Созревшая башня выпускает длинный отвод, на конце которого начинает расти новая башня. Такой ус может вытянуться до километра в длину. Именно поэтому Россия создала по всему периметру своей границы защитный кордон – полосу перепаханной земли шириной в километр. Как только ус наружу высовывается, его тут же прижигают жидким азотом.

Портной тоже заглянул в проход. Ради любопытства. Хотя там и нечего было смотреть, зато потом можно будет рассказывать, как заглядывал в ус информационной башни. Кто еще таким похвалиться может?

– А почему он полый? – спросил Портной.

– Наверное, так и должно быть, – Макарычев повесил автомат на плечо и с озадаченным видом поскреб в затылке. – Если подумать, мы ведь ничего толком об этих башнях не знаем.

– Во многом знании много печали, – глубокомысленно изрекла Тарья.

– Ну, точно, – криво усмехнулся Макарычев. – Самое время начать вспоминать замшелые библейские афоризмы.

– А что? – удивленно вскинула бровь Тарья. – По-моему, хорошо сказано. И главное – к месту.

– Екклесиаст – он всегда к месту.

Двумя витками ниже того места, где от основания башни отходил полый ус, стены неожиданно разошлись в стороны, а пол сделался почти ровным. Секция башни, в которой оказались любители необычного и странного, была похожа на небольшой круглый зал. Пустой, погруженный во тьму. На другом конце зала имелся спуск, ведущий на еще более низкие уровни. Но, проведя лучом фонарика по стенам, Макарычев понял, что дальше идти не за чем. Они нашли то, что искали.

С десяток больших округлых вздутий, похожих на полуспущенные пузыри из очень плотной резины, лепились к стене зала подальше от входа. Свернувшись зародышем, в таком пузыре вполне мог уместиться взрослый человек. Портному даже показалось, что стенки некоторых пузырей слегка вздымаются и снова опадают. Хотя не исключено, что это была всего лишь игра обостренного воображения и света на неровной поверхности.

– Инкубатор, – полушепотом произнесла Тарья.

– А я думал, уины могут все, что угодно, создать буквально из воздуха, – сказал Портной.

– Ну, человек – это тебе не компьютер даже, – ответил Макарычев. – Тут, наверное, требуется время, чтобы все как надо собрать, скомпоновать и отладить.

– А, может быть, они там, – Тарья кивнула на пузыри, – просто ждут своей очереди.

– Зачем они вообще нужны?

– Пятая колонна, – процедил сквозь зубы Макарычев.

А про себя подумал, что надо было взять у Стецука сигареты. Курить, непонятно с чего вдруг, захотелось нестерпимо.

– Чего? – не понял Портной.

– Эти существа, созданные башней, интегрируются в наше общество и живут, как самые обыкновенные люди. До тех пор, пока не придет время.

– И что тогда?

– Не знаю.

– Это начало вторжения, – уверенно заявила Тарья. – Нам подсунули бомбу замедленного действия в красивой конфетной обертке. Глупым кажется отказаться, когда предлагают счастье для всех и задаром. Правда же?

– Мне лично никто ничего не предлагал, – мрачно буркнул Портной.

– А ты кончай башни-то ломать, – усмехнулась Тарья.

– У меня эта первая, – смущенно ответил Портной.

– Ну, так и не бери грех на душу, – все так же с усмешкой продолжала девушка. – Чем тебе эта башня мешает?

– У нас приказ, – ища поддержки, Портной посмотрел на сержанта.

– Да не в приказе дело, – тяжело вздохнув, Макарычев вытянул из ножен широкий штык-нож. – Пойдем, глянем, что там, в этих пузырях. А то гадаем тут...

Сержант подошел к ближайшему вздутию на стене и точным коротким ударом снизу вогнал в него нож. Лезвие почти по рукоятку вошло в пузырь. Сержант обеими руками перехватил рукоятку ножа, пошире расставил ноги и потянул ее вверх. Лезвие продвигалось вперед медленно, будто взрезало не очень прочную, но чрезвычайно вязкую, слипающуюся на разрезе субстанцию. Но, слипаясь, разрез все-таки не срастался заново.

Прорезав сантиметров тридцать, Макарычев навалился на рукоятку ножа, стараясь повернуть лезвие и расширить разрез. Одновременно он уперся в нижний край разреза каблуком и как следует надавил. Внутри пузыря что-то не то чмокнуло, не то квакнуло, и сразу несколькими тонкими струйками из разреза начала сочиться вязкая, маслянистая жидкость.

– Помоги! – крикнул сержант Портному.

Положив фонари и автомат на пол, Портной подбежал к пузырю с другой стороны, просунул в разрез пальцы, ухватился за край и потянул на себя. Материал под пальцами на ощупь больше всего походил на плотную резину, только очень гладкую, без малейших шероховатостей и зазоринок. Настолько гладкую, что поначалу Портной не мог действовать во всю силу – пальцы соскальзывали. Но, приспособившись, он потянул как следует.

Разрез сделался шире. Но вязкая жидкость из него больше не текла. Та же, что вытекла, разлилась под ногами широкой лужей с неровными краями и источала кисло-сладкий запах. Портной поначалу никак не мог понять, что же напоминает ему этот запах. И вдруг догадался – это же запах кетчупа! Или он ошибся?

Портной собрался уже было спросить, что думает по этому поводу сержант, но не успел. Оболочка пузыря лопнула сверху донизу, край, за который тянул Портной, отошел в сторону, и в пахнущую кетчупом лужу упал влажный, бесформенный, шевелящийся комок.

Портной отскочил назад, подхватил с пола фонарь и осветил им то, что лежало на полу. Это был человек. Скорчившийся, обхвативший ноги руками, уткнувшийся лбом в колени. Перемазанный к тому же красноватой вязкой жидкостью.

– Вот же, черт!

Портной посмотрел на сержанта.

Макарычев тоже сделал шаг назад. Однако в руках у него был не фонарь, а автомат, направленный на то, что лежало на полу.

А Тарья исчезла.

Собственно, в ее присутствии сейчас не было никакой необходимости. И все равно – странно. Все время ведь была рядом.

Существо, лежавшее на полу, судорожно дернулось и резким движением выпростало перед собой руку с растопыренной пятерней. Затем одну за другой начало распрямлять другие конечности. Перевернувшись на живот, существо встало на четвереньки. Голова его была опущена. Казалось, оно пыталось рассмотреть свое отражение в луже, в которой полоскались концы его длинных слипшихся волос.

– Это ж баба! – как будто с удивлением произнес Макарычев. – Точно – баба!

После слов сержанта Портной тоже заметил, что у поднимающегося на ноги существа была женская грудь. Почему-то открытие это вызвало у солдата не смущение и не удивление даже, а злость. Захотелось тут же, на месте, немедленно прикончить это гнусное существо, родившееся из пузыря для того, чтобы притворяться настоящим, живым человеком. С кровью, бегущей по венам, с собственными мыслями в голове, с прошлым и, быть может, с будущим. Да, с тем самым будущим, которое башни собирались строить по собственному плану. А нам это надо?.. Портной повесил фонарь на плечо и передернул затвор автомата.

Женщина тем временем поднялась на ноги, чуть развела руки в стороны и замерла в неестественной неподвижности. Лужа, в которой она стояла, начала исчезать, будто всасывалась в голые пятки человекоподобного существа. Всего за полминуты разлитая по полу крас-

ная жидкость исчезла, не оставив следа. И столь же странным, противоестественным образом начала высыхать влага, покрывающая кожу и волосы существа.

Через минуту перед людьми стояла женщина с длинными светлыми волосами, спадающими ей на плечи. На вид ей можно было дать лет двадцать восемь. Может быть, тридцать. Но никак не больше. Портной и Макарычев, стоявшие по разные стороны от новорожденной, видели только ее профиль, но оба готовы были признать ее симпатичной.

– Ну, что уставились? – услышал Портной голос Тарьи. – Бабы голой не видели?

Портной не нашел ничего лучшего, как только спросить:

– А где ее одежда?

– Какая одежда! – усмехнулась Тарья. – Она ведь только что на свет появилась!

– Но девочка-то была одета.

– И то верно, – Тарья с озадаченным видом коснулась пальчиком подбородка. – Может быть, у них где-то здесь и гардероб имеется?

– Нужен им гардероб, когда вокруг полным-полно уинов, – усмехнулся Макарычев. – Одежда появится, когда в ней возникнет необходимость.

Женщина, до сих пор стоявшая неподвижно, развела руки в стороны, запрокинула голову назад и чуть приоткрыла рот. Со стороны казалось, что она потягивается, очнувшись после долгого сна. Как кошка, с той же непосредственной грацией.

– Господин сержант, – негромко позвал командира Портной.

Он хотел спросить, не пора ли им возвращаться. Они нашли инкубатор чужих – и больше им тут делать нечего. Оставалось выбраться из этой дьявольской гробницы, снова улыбнуться солнышку и дожидаться ликвидаторов. А потом, уже вернувшись в часть, написать рапорт обо всем случившемся. Без этого уж точно не обойтись.

Но сержант отреагировал быстрее, чем Портной успел задать свой вопрос. И совсем не так, как ожидал боец.

Со словами:

– Пора с этим кончать! – Макарычев подошел к женщине, которая, как и прежде, не обращала на него никакого внимания, поднял автомат к плечу и ударил ее прикладом в лицо.

Женщина покачнулась, но осталась стоять.

Стиснув зубы, Макарычев ударил ее еще раз.

Еще! Еще! Еще!..

Он бил с остервенением до тех пор, пока женщина не упала. Ее лицо, которое должно было бы превратиться в кровавое месиво, сделалось похожим на пластилиновую заготовку, в которой лишь угадывались едва намеченные черты человеческого лица.

Сержант переступил через распростертое на полу тело и, как только существо попыталось подняться на ноги, снова ударил его прикладом в лоб.

– Без толку, – словно отгораживаясь от происходящего, Тарья сложила руки на груди. – Так ты с ней не расправишься. Она в своей среде.

Макарычев через плечо глянул на девушку.

– Что ты предлагаешь?

– Ну-у... – задумчиво протянула Тарья. Судя по тону, никаких дельных предложений у нее не было. Но она не хотела сдаваться. Потому и сказала: – Можно попробовать отрезать ей голову.

– Она же думает не мозгом, а уинами.

– Ну-у... – На этот раз это прозвучало чуть более уверенно. – Быть может, мозг необходим ей для того, чтобы контролировать какие-то жизненно важные функции организма.

Сержант с сомнением посмотрел на расплюснутую голову чужого существа.

– А что, если у нее вообще нет мозга?

– Проверь. – Тарья сделала приглашающий жест рукой.

Портному эта затея не понравилась, но, как младший по званию, он не стал встречать, предоставив сержанту право самому сделать выбор.

Секунду поколебавшись, Макарычев взялся за рукоятку ножа и поднял ногу, чтобы наступить чужаку на горло.

И в тот же миг существо, до этого подававшее лишь слабые признаки жизни, вскинулось, обеими руками ухватило сержанта за ногу, оплело его пояс ногами, резко дернувшись, опрокинуло человека на спину и взгромоздилось на него сверху, как наездник. Что оно собиралось сделать, было совершенно непонятно. Но почему-то ничего хорошего никто не ожидал.

Сержант воткнул в бок чужаку нож, но тот даже внимания на это не обратил.

– Ну, здорово, – с тоской произнес Портной.

После чего поднял автомат и короткой очередью, стреляя почти в упор, разнес чужаку голову.

– Иди, посмотри, были там мозги или нет, – предложил он Тарье.

Девушка пренебрежительно фыркнула и отвернулась.

Поди пойми, что у нее на уме.

– Крови у них нет. – Сержант поднялся на ноги и в сердцах пнул ногой все еще судорожно дергающееся тело. – Это уж точно.

– Возможно, это только заготовки, – сказала Тарья, по-прежнему глядя в сторону. – Кровь, как и одежда, появится позже.

– А вам не кажется, что мы строим предположения на тему, о которой не имеем ни малейшего представления? – спросил Портной.

– Кажется, – тут же кивнула Тарья. – В ученых кругах это называется спекуляцией.

– А нам это надо?

Вопрос повис в пустоте.

Макарычев тронул ногой затихшее было тело, в ответ на что оно вновь начало корчиться в судорогах.

– Рана на боку затянулась, – сообщил Макарычев. – А голова не восстанавливается.

– Но при этом тело и не распадается на уины, как было с девочкой, – добавила Тарья.

– Чудно, – покачал головой сержант.

– Почему никто не занимается серьезным изучением информационных башен? – задал неожиданный вопрос Портной.

– С чего ты это взял? – спросила Тарья.

– Я ничего не читал на эту тему.

– Может быть, это закрытые исследования.

– У меня это седьмая башня. – Макарычев подкинул нож и поймал его за рукоятку. – Ликвидаторы выжигают башни до основания, так, что от них только серая труха вроде золы остается. И не было случая, чтобы вместе с ликвидаторами приезжали ученые, которые что-нибудь там замеряли, брали образцы... – Сержант еще раз подкинул нож. – По-моему, это неправильно.

Сказал – и направился к следующему вздутию на стене.

– Почему? – спросил Портной.

– Потому что врага нужно знать в лицо.

Макарычев с размаха всадил в пузырь нож и резко дернул его вверх.

Не дожидаясь приказа, Портной бросился помогать сержанту.

– Тоже мне, исследователи, – глядя на них, усмехнулась Тарья. – Любимый научный метод – вивисекция.

То ли оболочка второго пузыря оказалась тоньше, то ли Макарычев с Портным, приспособившись, действовали сноровистее, только распороть пузырь им удалось всего за несколько минут.

Как и в первый раз, из разреза сначала потекла вязкая жидкость.

– Господин сержант?

– Да?

– Вам не кажется, что эта жидкость кетчупом пахнет?

– Каким?

– Что – каким?

– Кетчупы разные бывают.

– Не знаю... Да обычным самым...

– Нет.

– А чем тогда?

– Лапшой с креветками.

– А...

– Что?

– Я никогда не ел лапшу с креветками.

– Напрасно.

Из разреза вывалилось тело.

– Вот же мерзость!

У тела были руки, ноги, голова. Даже глаза, безразлично пялящиеся в пустоту, тоже имелись. Вот только кожи у него не было. Каждая мышца, каждое сухожилие были так четко прорисованы, что чужак мог бы служить превосходным анатомическим пособием для студентов медвуза. Или сниматься в фильмах ужаса.

Скаля изумительно белые зубы, он начал подниматься на ноги.

Макарычев подошел к нему сзади, приставил к затылку ствол автомата и нажал на спусковой крючок.

– Идем дальше, – кивнул он Портному.

За полчаса они вскрыли все десять пузырей, лепившихся к стенке башни. Из каждого вывалилось тело в той или иной стадии готовности. Все чужаки были убиты выстрелами в голову. Хотя слово «убиты» в данном случае не совсем уместно. Тела с изуродованными головами то и дело начинали судорожно дергаться. Некоторое пытались подняться на ноги, но теряли равновесие и падали.

– И не противно вам? – поинтересовалась у мужчин Тарья.

– А чо? – развел руками Портной. – Крови-то все равно нет. Вот с кровью, наверное, было бы противно.

– Напрасный труд. Все равно ведь, когда придут ликвидаторы...

– У ликвидаторов своя работа, – перебил девушку Макарычев. – А у меня – своя.

– А смысл?

– Смысл в том, что теперь я точно знаю – эти твари не люди. И я, не задумываясь, снесу голову любой из них.

– Вот только как ты отличишь ее от человека, когда встретишь среди людей?

Глава 4

– В самом деле! – хлопнул ладонью по столу Безбородко. – Отличный вопрос! Сможете ли вы, сержант, отличить рипа от человека?

– Кого? – озадаченно сдвинул брови Макарычев.

– Рипы – так мы называем нанореплики людей, – напомнил Безбородко. – Профессиональный жаргон. Происходит от первых букв английской фразы «Rest In Peace» – «Покойся с миром». Ее обычно на могильных плитах пишут.

– То есть вы их как бы заранее похоронили? – усмехнулся Макарычев.

– Может быть, мы их, а может, они нас, – без улыбки ответил Лев Феокистович. – Время покажет... Так как насчет моего вопроса, Сергей?

– Я думаю, что смогу отличить рипа от живого человека. Может быть, не с первого взгляда, но смогу. Есть у них что-то необычное в поведении. Какая-то заторможенность, что ли... И взгляд пустой, ничего не выражающий. Хуже, чем у селедки на блюде.

– Скорее всего, вы имели дело с незавершенными рипами. Башня, в которой вы их нашли, выросла вдали от единого информационного пространства, поэтому ей приходилось экспериментировать. Рипы, которых мне доводилось видеть за кордоном, ничем не отличаются от обычных людей. У них даже кровь течет из порезов.

– Кот!

– Кот?

– Спиногрыз. Так зовут моего кота.

– И – что?

– Он чувствует в рипах чужаков. Вообще-то, Спиногрыз очень добрый и ласковый кот. Готов часами лежать на коленях у любого, кто согласится его гладить. Но к рипам он даже подходить близко отказался. Весь взъерошился, шипеть начал. Поначалу, когда он так на девочку отреагировал, я решил, что Спиногрыз просто не в настроении. Такое ведь и с котами случается, если встанет не с той лапы. Но потом я попытался поднести его к тому голому культуристу, которого Портной возле башни вырубил. Реакция была та же самая.

– В самом деле? – Безбородко двумя пальцами дернул себя за кончик бороды. – Очень интересное наблюдение.

– Я думаю, любая кошка способна распознать рипа каким-то своим, кошачьим шестым чувством.

– Возможно, возможно, – дважды кивнул Лев Феокистович. – При случае нужно будет проверить.

– Вы занимаетесь изучением башен? – осторожно поинтересовался Макарычев.

– И этим тоже, – еще раз кивнул Безбородко. И сразу повернул разговор в иное русло: – Сколько времени вы провели внутри башни?

– Один час и восемнадцать минут. Я засек время.

– Зачем? – прищурился Безбородко.

– На всякий случай.

– Так, значит, перебив всех рипов...

– Нам не удалось прикончить ни одного из них. Когда мы уходили, все они подавали признаки жизни. Дергались, изворачивались... Некоторые даже пытались подняться на ноги... Но при этом ни один не издавал ни звука.

– Точно?

– Абсолютно.

– Почему?

– Не знаю. Быть может, они еще не научились говорить?

– И после этого вы беспрепятственно покинули башню?

– Да. Проем, через который мы вошли, был все еще открыт.

– Ликвидаторов не было?

– Они приехали примерно через сорок минут после того, как мы вышли из башни.

– Вы рассказали им о том, что видели?

– Конечно. Но командир отряда ответил мне, что ему нет до этого никакого дела. Его задача – уничтожить башню. И все тут. В общем, я могу его понять... Да и вход в башню к тому времени уже закрылся.

– Почему?

– Вскоре после того, как мы с Портным вышли из башни, голый рип, которого охранял ефрейтор Стецук, стал вести себя... беспокойно. Все порывался встать и куда-то бежать. Мы попытались связать его, но он начал активно сопротивляться. Едва не выдавил глаз рядовому Дергачеву... А он ведь здоровый был... В смысле – мускулистый... В общем, нам пришлось его пристрелить.

– В голову?

– Да.

– Подействовало?

– Нет. Он вроде как и не заметил, что у него дыра в башке... Затих малость, только когда ефрейтор Стецук дал ему по голове кувалдой. Рип после этого упал и принялся землю пальцами скрести, как будто зарыться хотел... Смотреть противно было... Как в кино про живых мертвецов... Стецук предложил даже облить его бензином да, на фиг, сжечь. Чтобы, значит, не раздражал... Но минут через десять рип и сам перестал дергаться. Выпустил щупальца и сдулся, как девчонка. Одна оболочка осталась. И сразу после этого вход в башню закрылся. Так аккуратно, что ни щелки не осталось, ни вмятинки.

– Тела... Вернее, то, что от них осталось, вы сдали ликвидаторам?

– Да. Они сожгли их вместе с башней... Самое интересное, я думал, что когда башня рассыплется в прах, на ее месте воронка глубокая останется. Мы ведь метров на двадцать вниз спускались. А можно было и еще глубже. Так нет же, на месте башни осталась ровная площадка. Как будто она прямо на земле стояла.

– То есть в глазах ликвидаторов вы выглядели, так сказать, трепачами?

– Вроде того, – помявшись, согласился Макарычев.

– Ясно, – Безбородко закрыл лежавшую перед ним папку, аккуратно завязал тесемочки, отодвинул в сторону и, сложив руки перед собой, пристально, проникновенно так посмотрел на Макарычева. – Ну, так что мы теперь с вами делать будем, Сергей Николаевич?

– В каком смысле? – растерялся сержант, никак не ожидавший такого вопроса.

– Я хочу предложить вам работу.

– Работу? – вконец запутался Макарычев.

– Да, – улыбнувшись, кивнул Лев Феокистович. – Хорошую работу.

– У меня контракт...

– А, не беспокойтесь, – махнул рукой Безбородко. – Если дело только в этом, то вопрос с вашим контрактом мы решим на раз. Для того чтобы вы сегодня же могли уехать вместе со мной, мне достаточно сделать один телефонный звонок. Или просто попросить об этом вашего комбата.

– Даже так... – только и нашел что ответить сержант.

– А как бы вы хотели? – лукаво улыбнулся Лев Феокистович.

Макарычев пожал плечами. Он еще не знал, что за работу собирается предложить ему Безбородко, но уже понял, что готов согласиться. Во-первых, Лев Феокистович был ему симпатичен. Во-вторых, не просто же так они разговаривали об информационных башнях. Если

бы Безбородко собирался предложить ему работу, скажем, вертухая, то и толковали бы они о тюрьмах и заключенных.

– Я могу вас спросить?

– Конечно! О чем угодно!

– Я останусь в армии?

– И да, и нет. Официально, по всем бумагам, вы будете продолжать служить по контракту в вооруженных силах. Будете получать соответствующие поощрения, награды и прибавки к зарплате. На деле же будете заниматься несколько иной, более серьезной и ответственной работой. Сразу скажу, что и реальное вознаграждение будет значительно выше тех выплат, что оговорены вашим контрактом.

– На кого я буду работать?

– На меня.

– Да, но...

– Никаких «но», господин сержант. Я уже вкратце обрисовал вам ситуацию. Россия осталась единственной страной, вовремя защитившейся от распространения информационных башен, а соответственно, и от покрытия всей своей территории информационным полем. Весь остальной мир считает, что поступаем мы так в силу своей врожденной тупости и невежества. Они могут осуждать нас за это, стараться вразумить имеющимися в их распоряжении дипломатическими методами, пытаться тихой сапой засеять наши земли информационными башнями. Но открыто лезть в наши внутренние дела они не имеют права. Однако, если мы только дадим им повод... Вот мы с вами, Сергей, уже говорили о том, что население практически не информировано о том, какую угрозу могут представлять собой информационные башни. Дело в том, что у нас наверху, – Лев Феоктистович пальцем указал на портрет президента, – по сей день не сложилось единого мнения по данному вопросу. Пока перевес сил на стороне тех, кто настаивает на необходимости изоляции России от единого информационного пространства. Но перевес этот весьма незначительный. Именно поэтому мы не должны давать ни малейшего шанса тем, кто лоббирует интересы закордонников. Я приглашаю вас, Сергей, возглавить отряд, или, если хотите, команду особого назначения – по мне, так название не играет большой роли, – которой официально не будет существовать. Ваши люди подчиняются только вам, и никому более. Вы выполняете только мои приказы и отчетываетесь только передо мной лично. А за все ваши провалы и ошибки отвечать придется мне. Перед кем – вам это знать ни к чему. Пока. Ваша команда будет обеспечена всем самым современным оборудованием, амуницией, оружием и транспортом. Нужен будет самолет – вы получите его по первому требованию. Танк – только скажите. Межконтинентальная баллистическая ракета... Нет, ракету вы не получите – наша деятельность пока будет ограничена территорией нашей страны. Пока. – Лев Феоктистович наморщил лоб. – Что еще?

– Вы не сказали, чем именно нам предстоит заниматься.

– Ваша работа будет связана с информационными башнями. А именно с пресечением попыток их распространения на нашей территории.

– Для этого есть ликвидаторы.

– Ликвидаторы – это мусорщики. Их обязанность – уборка территории. И не более того. Вам же предстоит иметь дело с различными феноменами, порожденными информационными башнями.

– С чем? – не понял Макарычев.

– Мы пока еще и сами до конца не знаем, на что способны информационные башни. Но исходим из того, что любое проявление их деятельности таит в себе потенциальную угрозу. Те же рипы, например.

– Нам придется уничтожать рипов?

– Возможно.

Макарычев удовлетворенно кивнул – это ему было понятно.

– Какова численность и состав команды?

– Это должен быть небольшой мобильный отряд численностью в десять-двенадцать человек. Не больше. Состав определите сами. Я бы предложил вам непременно взять в команду рядового Портного и ефрейтора Стецука. Судя по тому, что вы о них рассказали, у первого хорошая интуиция, а второй будет любой ценой добиваться поставленной перед ним задачи, даже если для этого потребуются головой проломить стену. Условия – те же, что я вам уже описал. Все отобранные вами люди пройдут ускоренный курс специальной подготовки, включающей не только специальные боевые навыки, но и основы нескольких уникальных профессий. Если вы поймете, что вам в команде требуется специалист в какой-то узкой области, только скажите – и получите самого лучшего.

– А Спиногрыза можно с собой взять?

– Непременно!

– Где мы будем дислоцироваться?

– У нас будет несколько баз, разбросанных по всей территории страны.

– Когда я должен принять решение?

– Сейчас.

– Тогда последний вопрос.

– Прошу вас.

– Почему именно я? Как я понимаю, до вчерашнего дня вы вообще не знали о моем существовании.

– Верно. Но навести справки о человеке не так уж сложно. Особенно если он служит в армии. То, что я узнал о вас, мне понравилось. Однако, не стану скрывать, выбор мой во многом случаен. Отчет о деятельности некоего сержанта, без приказа и, прямо скажем, без особой на то необходимости забравшегося в информационную башню и перерезавшего там с десятков недоношенных рипов, лег на мой стол на следующий день после того, как я получил приказ в кратчайший срок создать команду для выполнения особых операций. На примете у меня никого не было, поэтому я и решил: а почему бы не взять в союзники этого самого сержанта Макарычева? С его уникальным опытом и умением управлять людьми? Вот так, – Лев Феоктистович поджал губы и развел руки в стороны. – Теперь мне остается надеяться лишь на то, что я не ошибся в своем выборе.

– Я даже не ожидал услышать настолько прямой ответ, – смутился Макарычев. – Честно.

– Дело в том, Сергей, – Лев Феоктистович положил локти на стол и подался вперед, – что, если мы будем работать вместе, мы должны будем говорить друг другу только правду. Если я что-то не могу вам рассказать – пока! – я так об этом и говорю. Малейшая ложь или даже недоговоренность положит конец нашей совместной деятельности. Это понятно?

– Конечно.

– Ну а раз так...

– Согласен.

Глава 5

Пилот не стал сажать вертолет – не было у него такого приказа. И желания, судя по всему, тоже не возникло. Машина зависла в полуметре над рыжей, измятой, спутанной, будто нечесанные космы старой ведьмы, травой. Дождавшись, когда ребята выкинули из десантного отсека все свои пожитки, пилот сделал короткий жест рукой – не то удачи пожелал, не то хотел сказать, мол, дальше сами, как знаете, – и потянул вертолет вверх, в пожухлое серое небо, готовое вот-вот начать кропить землю мелким пакостным дождичком.

Приложив ладонь козырьком ко лбу, сержант Макарычев посмотрел вслед улетающему вертолету.

Стецук недовольно пнул ногой рюкзак.

– И что, дальше пешком?

Сам ведь прекрасно знал, что других вариантов нет, но ради проформы решил права покачать.

– А что бы ты хотел? Водные лыжи? – усмехнулся Дробинин.

Игоря Дробинина предложил Макарычеву в группу Безбородко. Лев Феоктистович откомендовал парня как лучшего в восточном полушарии техника-универсала.

– В какой области? – решил уточнить сержант.

– Да практически в любой, – скромно потупил взгляд Игорь. – От телескопа до комбайна. Все, что можно разобрать, я потому и собрать сумею. Даже из других деталей.

Макарычев недоверчиво почесал за ухом.

– Почему только в восточном полушарии?

– А те, что в западном, нашим в подметки не годятся.

На деле оказалось, что Игорь все же самую малость приврал. Он действительно мог разобратся с любым техническим устройством, но было у него одно слабое место – фонарики. Самый обыкновенный ручной фонарик отказывался работать, стоило только Дробинину взять его в руки.

– Ничего не понимаю, – в отчаянии разводил руками Игоряша, глядя на детали разобранного фонарика. – Тут ведь и ломаться-то нечему! Корпус, рефлектор, лампочка, пара контактов и батарейка!

Дробинин собирал фонарики, щелкал выключателем, стучал корпусом по ладони, пытался как следует встряхнуть – одним словом, делал все, что делает обычный человек, пытаясь заставить снова гореть внезапно потухший фонарь. Но ежели обычному человеку подобные фокусы порой удаются, то Игоряше погасший фонарик еще ни разу даже не подмигнул веселым желтым глазом.

– А почему нам никакого средства передвижения не дали? – недовольно поинтересовался Стецук.

– Это ж болото, – отозвался Портной. – Здесь только пешком.

Вертолет высадил группу на небольшой открытой площадке, со всех сторон окруженной странным, похожим на мертвый, лесом. Нет, не лесом даже, а диковатыми зарослями, здорово смахивающими на декорации к низкобюджетному постапокалиптическому фильму. Казавшиеся ободранными стволы деревьев, забыв о том, что такое вертикаль, клонились в разные стороны под самыми невообразимыми углами; ветки, облепленные чахлой бурой листвой, переплетались, ломались, тянулись не то вверх, ближе к солнцу, не то к земле, чтобы спрятаться в собственной тени. Просветы между покосившимися стволами казались провалами в полную, абсолютную, смертельно холодную пустоту.

– Я видел в буржуйских фильмах, – Стецук достал сигарету и закурил. – Там у них полицейские разъезжают по болотам на плоскодонных корытах со здоровенными пропеллерами сзади. Очень здорово, скажу я вам, разъезжают!

– У них там болота другие, – Дробинин вытянул из общей кучи свой рюкзак, достал из бокового кармана переносную рацию.

– Как это – другие? – прищурился Стецук недоверчиво, а может, ему сигаретный дым в глаз попал.

– Мангровые леса, притопленные водой разлившихся рек.

Игоряша щелкнул переключателем. Рация тихо пискнула в ответ.

– А у нас что? – не унимался Стецук.

– Сам попробуй, – Портной подпрыгнул на месте.

Почва под ним просела, слегка колыхнулась и вернулась в исходное положение. Такое ощущение, будто под ногами лопнувший, а потому потерявший упругость надувной матрас.

– Ты на вводной лекции спал, что ли?

Макарычев достал из переноски Спиногрыза и посадил себе на плечо. Кот устроился поудобнее, поджал под себя лапы и потерся щекой об ухо сержанта.

– Почему это спал! – обиделся Стецук. – Просто лектор был какой-то скучный... Говорил мудрено... В общем, я не все понял...

– А потому задремал, – закончил за ефрейтора Игоряша.

– Ну и что, – недовольно скривился Стецук. – Подумаешь, болото. Какая мне разница, сколько там метров до грунтовых вод и какая толщина торфяного слоя у меня под ногами! Я усек главное – вопреки устоявшемуся мнению, в нашем болоте невозможно утонуть!

– Ошибочка, ефрейтор, – Портной поднял затворную раму автомата, дунул под нее и коротким ударом тыльной стороны ладони поставил на место. – Утонуть в болоте можно очень даже запросто. Если в бочаг свалиться. Однако, вопреки устоявшемуся мнению, трясина не засасывает попавшего в нее человека. Но зато держит так крепко, что без посторонней помощи не выберешься.

– Ну, а я про что! – как ни в чем не бывало соврал Стецук.

– Все, закончен перекур, – скомандовал Макарычев, хотя из всей группы курил один Стецук.

Подхватив свой рюкзак, сержант закинул его на правое плечо, а затем осторожно, стараясь не потревожить задремавшего, а может, только делающего вид, что дремлет, кота, продел в лямку левую руку. Нож – за пояс, автомат – на шею, пистолет – в кобуру. Четыре гранаты – две осколочные, две нелетальные – в карманы разгрузочного жилета. Туда же – запасные обоймы, бензиновую зажигалку, крошечный фонарик-карандаш, плоскую коробку аптечки первой помощи.

Все.

– Проверили ПДА.

Макарычев оттянул рукав куртки. На небольшом плоском дисплее горели девять зеленых крестиков. Девять человек его команды. Все они могли видеть местоположение друг друга, если расстояние между ними не превышало полутора километров. Также ПДА давал возможность обмениваться короткими текстовыми сообщениями, передающимися в кодированном формате.

– Порядок.

– У меня работает.

– Все нормально...

Семь человек в команде были солдатами из взвода сержанта Макарычева, которые, так же как и он, согласились поменять место службы. И вроде никто пока не жалел. Восьмым был Игоряша Дробинин. Девятым – Петр Петрович Синеглаз. Он был немногим старше других,

однако все его называли только по отчеству – Петрович. Синеглаза предложил Макарычеву в группу все тот же Безбородко. Лев Феокистович определил Петровича как аналитика. Однако в группе все его называли просто всезнайкой. Петрович и в самом деле знал, казалось, все обо всем. А что не знал, легко мог отыскать среди вороха информации, который другому показался бы стогом сена, в котором надо найти иголку. Он всегда носил с собой небольшую, герметически закрывающуюся металлическую коробочку, похожую на портсигар, в которой были сложены флэшки с самой дорогой для Синеглаза информацией. На первый взгляд могло показаться, что хаотическая груда данных из самых различных областей знаний вряд ли могла найти какое-то практическое применение. Однако выданная в нужный момент и правильно использованная информация порой могла помочь выбраться из затруднительной ситуации. А то и жизнь спасти. Единственная проблемка заключалась в том, что сам Петрович редко делился с кем бы то ни было имеющейся у него информацией. Ее у него нужно было вытягивать. Макарычев считал, что такова уж была натура этого в высшей степени необычного человека. А вот Стецук полагал, что Синеглаз чах над своими гигабайтами, как скупой рыцарь над золотом. А потому, по словам все того же Стецука, Петровича следовало не раскручивать на информацию, а раскулачивать. Вот только как это осуществить на практике, ефрейтор не знал. Надеясь подбить клинья под Синеглаза, он то и дело пытался втянуть Петровича в мудреные философские беседы. Вот только философ из Стецука был никудышный. А другого такого молчуна, как Петрович, нужно было еще поискать.

– Герасим, давай направление.

Прозвище Герасим еще в роте прилипло к Сергею Пушину. Почему – никто уже и не помнил. Странно, ведь даже по отчеству он был не Герасимович, а Алексеевич. Однако ж как пошло – Герасим, Герасим, – так и осталось. Будто второе имя, что дают шаманы новорожденным, дабы настоящее никто не знал, а значит, и вреда колдовского причинить не мог.

Пушин неторопливо – он все делал очень внимательно, серьезно, основательно и не спеша – открыл электронный планшет, с виду вроде как самый обыкновенный, но на деле прошедший высокопрофессиональный апгрейд в какой-то спецлаборатории, контакты с которой поддерживал Безбородко. Такому планшетику позавидовал бы сам мистер Бонд. Фокус заключался в том, что открытые коды доступа электронного планшета позволяли комбинировать его основные функции в любых сочетаниях, что могло привести и порой действительно приводило к самым неожиданным результатам. Так, например, однажды планшет начал сам по себе выдавать пророчества в духе «И-Цзынь». И что самое удивительное, несмотря на то что пророчества были весьма туманные, расплывчатые и неопределенные, все они сбывались! Пораженный таким открытием, Пушин хотел было всем о нем рассказать, но, подумав малость, отказался от этой идеи. Ребята, если узнают, либо засмеют, либо начнут использовать его как рыночную гадалку. Скорее всего, и то и другое разом – будут смеяться и просить погадать. А Безбородко может и отобрать планшет, чтобы его в лаборатории заново протестировали. Герасим же привык к планшету и не хотел с ним расставаться. Это ведь все равно как старый, добрый, самолично пристрелянный карабин взять да с ходу, не глядя, поменять на такой же, только новенький совсем, в заводской смазке, вощеной бумагой обернутый. На такое ж только круглый дурак пойдет.

– Туда! – указал на северо-восток Пушин.

– Вот чем мне Герасим нравится, – Стецук локтем толкнул оказавшегося рядом с ним Муратова, – своей конкретикой и определенностью. Никаких тебе азимутов, никаких координат. Широта, долгота, склонение – показуха одна. Герасим сказал конкретно – туда! Значит, туда конкретно и идем! Никаких больше вопросов! Все!

– Это ты к чему? – Муратов непонимающе посмотрел на разговорившегося ефрейтора.

– Не люблю ходить по азимуту, – недовольно буркнул в ответ Стецук.

– А ты по нему ходил? – Портной рукой отвел в сторону мешающую пройти ветку.

– Я заранее знаю, что мне это не понравится, – сказал, чтобы отвязаться, Стецук и, сделав несколько быстрых шагов вперед, нагнал Синеглаза. – Слушай, Петрович, а живность на этих болотах водится?

– А как же, – сдвинув брови, аналитик придал лицу серьезное, можно даже сказать, озабоченное выражение. – Жизнь – она повсюду.

– Не, я не о планктоне, – помахал рукой Стецук. – Я имею в виду что-нибудь крупное, – ефрейтор руками обозначил размер интересующего его объекта, примерно с бульдога. – Такое, что за ногу цапнуть может.

– По плану мы должны выйти к объекту через четыре часа, как раз к темноте, – сказал, обращаясь к Пущину, Макарычев.

– По плану – должны, – кивнул тот.

– Дойдем? – сержант почесал за ухом сидевшего на плече кота.

– Дойдем, – кивнул Пушин. – Если не застрянем где-нибудь, – и, как будто извиняясь за собственную ошибку, добавил: – Идем-то по бездорожью.

Для того чтобы ходить по болоту, требуется особый навык. При каждом шаге плотный слой дерна сначала проседает под ногой, а затем чуть подается назад, а то, и того хуже, начинает плыть в сторону. Человеку кажется, что он постоянно теряет равновесие – и чисто психологически неприятно, и на вестибулярный аппарат действует не самым лучшим образом. Это все равно что ходить по палубе раскачивающегося на волнах корабля, когда ровная, казалось бы, поверхность то и дело пытается выскользнуть из-под ног. Для того чтобы не размахивать руками, не делать неверных шагов и не шататься, как болванчик, из стороны в сторону, нужно поймать верный ритм движения. Что удастся далеко не сразу. И далеко не каждому.

Петрович помахал рукой, отгоняя от носа здоровенного слепня.

– Крокодилов здесь точно нет. Но водятся выдры.

– Выдры разве кусаются? – удивился Стецук.

– А почему нет? Еще как! К тому же они, случается, бешенство разносят.

– От бешенства у меня прививка, – усмехнулся Стецук.

– А как насчет змей? – лукаво прищурился Петрович.

– У Егоркина, – кивнул на медика Стецук, – чемодан с сыворотками и антидотами.

– Про змею-минутку, надо полагать, ты тоже все знаешь... – Петрович снова отмахнулся от надоедливого слепня и с безразличным видом посмотрел в сторону.

Ну, прямо турист в окружении античных руин, сомлевший на жарком солнце и думающий уже не об окружающих его красотах, а лишь о теньке и холодном лимонаде.

– Что за минутка такая? – напрягся Стецук.

– Ты же был на лекции, – даже не взглянул на ефрейтора Петрович.

– Ну, был... Допустим...

Стецук с опаской посмотрел на Макарычева. Но тот был занят разговором с Герасимом.

– Что тебе не нравится? – напрямую спросил у Пущина сержант.

– Нет сигнала маяка, – Герасим показал сержанту планшет, нажал на кнопку масштабирования и, коснувшись пальцем дисплея, отметил точку в левом верхнем углу. – Здесь с вертолета был сброшен маяк, который должен был точно вывести нас на цель. А его нет.

– Ну, это еще не повод для тревоги, – Макарычев на ходу подтянул автоматный ремень.

– Конечно, – согласился Герасим. – Всякое могло случиться.

– Например?

– Маяк могли найти и сломать аборигены.

– На маяк прилеплена бирка. «Штуковина сия является собственностью Одной Очень Важной Конторы. Так что либо верните ее за солидное вознаграждение, либо ответите по всей строгости закона».

– Аборигенам это по фигу... Мне бы точно было по фигу, если бы я всю жизнь прожил среди болот. Для них ведь, наверное, внешнего мира не существует, как такового. Во всяком случае, он гораздо менее реален, чем окружающая топь.

– Знаешь, я так и не понял, что эти люди забыли среди болот, – честно признался Макарычев. – А этот специалист по Облонским болотам, которого к нам Безбородко привел... Как его?..

– Вильчиков, – напомнил Пущин. – Видадий Моршанович Вильчиков.

– Точно! – щелкнул пальцами Макарычев. – Так вот, Вильчиков этот ничего ведь толком не объяснил. Только воду мутит.

– Зато делал он это весьма профессионально, – заметил шагавший след в след за сержантом Андрей Ерохин. – И с видом таким умным, что и не поспоришь. Мне лично кажется, что люди, живущие на болоте, ищут здесь бога.

– Эй, Петрович! – окликнул приятеля Стецук.

– Ну? – вроде как с неохотой посмотрел на ефрейтора Синеглаз.

– Так что насчет змеи-минутки?

– Да водится в этих болотах змейка такая. Маленькая. Длиной не больше десяти сантиметров. Невзрачная на вид, серая с бурыми пятнами. Ее среди сырой травы и не заметишь даже. Так вот яд этой змейки действует на дыхательный центр, – Петрович коснулся указательным пальцем виска. – Человек перестает дышать и ровно через минуту умирает от удушья. Полагаю, что в страшных муках. И, обрати внимание, Олежка, поскольку у тебя парализовано дыхание, то ты даже позвать на помощь не можешь. Во как!

Стецук с минуту сосредоточенно оценивал выданную Синеглазом информацию. После чего почти уверенно заявил:

– Врешь!

Резко взмахнув рукой, Петрович поймал-таки в кулак надоедливую слепню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.